

Научная статья

УДК 930.2

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-6>

Варшавский университет в системе высшего (университетского) образования Российской империи в первой трети XIX в.

Ольга Сергеевна Каштанова,

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Россия,
kashtanova-o@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7053-461X>

Olga S. Kashtanova,

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
kashtanova-o@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7053-461X>

Аннотация. Статья посвящена истории создания в 1816 г. Варшавского университета и его развития до 1831 г., когда после подавления польского восстания 1830–1831 гг. университет был закрыт. Специфика Варшавского университета определялась тем, что в тот период присоединенное в 1815 г. к России Царство (Королевство) Польское являлось автономной территориальной единицей и имело отдельную образовательную систему, не подчиненную Министерству народного просвещения в Петербурге. Как в российской, так и польской историографии ввиду обособленного статуса Варшавского университета в 1816–1831 гг. его комплексное сравнение с российскими высшими учебными заведениями практически не проводилось. В работе предпринята попытка на основе документов, регламентирующих деятельность Варшавского и российских университетов, выявить сходства и отличия в функционировании этих высших учебных заведений. Сравниваются устройство и организация Варшавского университета и остальных университетов империи, коллегиальные органы управления, бюджет, жалование профессоров, условия поступления и сроки обучения студентов, их численность, порядок присвоения ученых степеней и т.д. Непопулярные мероприятия властей Царства Польского в области образования в 1820-е гг., сопровождавшиеся усилением контроля над студентами и профессорами университета, попытками ограничения его автономии и разделения на отдельные высшие школы, показаны на фоне общего реакционного курса в отношении университетов. Сопоставительный анализ позволяет сделать следующие выводы: принципы организации Варшавского университета и

© Каштанова О.С., 2022

© Kashtanova O., 2022

возникших в начале XIX в. российских университетов носили немало общих черт, что было связано с заимствованиями образцов от высших учебных заведений Германии и частично Франции; структурные, кадровые и другие отличия рассматриваемых учебных заведений обуславливались национальной спецификой и традициями польского образования, бóльшим сходством Варшавского университета с университетами Западной Европы. Полученные результаты способствуют представлению развития Варшавского университета в 1816–1831 гг. на более широком фоне, а также доставляют новый иллюстративный материал для сравнения российских университетов с существующими в рамках империи «национальными» университетами.

Ключевые слова: Царство Польское, Российская империя, Варшавский университет, высшее образование, учебные заведения

Для цитирования: Каштанова О.С. Варшавский университет в системе высшего (университетского) образования Российской империи в первой трети XIX в. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 582–628, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-6>

The University of Warsaw in the system of higher (university) education of the Russian Empire in the first third of the 19th century

Abstract. The article is devoted to the history of the establishment of the University of Warsaw in 1816 and its development until 1831 when the university was closed after the suppression of the November Uprising of 1830–31. The specificity of the University of Warsaw was determined by the fact that during that time the Congress Kingdom of Poland that had been annexed to Russia in 1815 was an autonomous territorial entity and had a separate educational system that was not subordinate to the Ministry of National Education in St Petersburg. Neither Russian nor Polish historiography has made a comprehensive comparison of the University of Warsaw with Russian higher educational institutions due to the isolated status of the former in 1816–31. The article makes an attempt to identify similarities and differences in the functioning of these higher educational institutions on the basis of the documents that regulated the activities of Warsaw and Russian universities. A comparison is made between the structure and organization of the University of Warsaw and other universities of the empire, their collegiate governing bodies, budgets, salaries of professors, admission and terms of study of students, their number, the procedure for awarding academic degrees, etc. The unpopular measures taken by the authorities of the Congress Kingdom of Poland in the field of education in the 1820s, which were accompanied by the increased control over the students and the professors of the university and the attempts to limit its autonomy and divide it into separate higher schools, are shown against the background of the general reactionary policy towards universities. A comparative analysis allows us to draw the following conclusions: the principles of organization of the University of Warsaw and Russian universities that were founded at the beginning of the 19th century had a number of common features, which was associated with borrowing the models of higher educational institutions from Germany and partly from France. Structure, staff and other differences between the educational institutions under consideration were determined by the national features and traditions of Polish education and by greater similarity between the University of Warsaw and the universities of Western Europe. The results obtained contribute to presenting the development of the University of Warsaw in 1816–31

against a broader background and also provide new illustrative material for comparing Russian universities with the “national” universities that existed within the empire.

Key words: Congress Poland, Russian Empire, University of Warsaw, higher education, educational institutions

For citation: Kashtanova, O.S. “The University of Warsaw in the system of higher (university) education of the Russian Empire in the first third of the 19th century.” *Historia provinciae – The Journal of Local History*, vol. 6, no. 2 (2022): 582–628. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-6>

Введение

В российской историографии Варшавскому университету в первой трети XIX в. посвящено мало исследований. В конце XIX – начале XX в. краткие очерки развития университета были даны в работах его профессоров И.П. Щелкова и В.В. Есипова, касавшихся высшего образования в Царстве Польском¹. В советских исторических исследованиях этот вопрос практически не затрагивался. В современный период интерес к истории Варшавского университета несколько усилился. Общие сведения об университете и отдельных его факультетах содержатся в энциклопедических изданиях, трудах по истории и культуре Польши, работах, посвященных университетскому образованию в Ростове-на-Дону, куда в 1915 г. был эвакуирован Варшавский университет². В настоящее время наметилась тенденция к изучению истории российских университетов на фоне развития высшего образования в Европе. Однако ввиду обособленного положения Варшавского университета в системе высших учебных заведений Российской империи в первой трети XIX в. он, как

¹ Щелков И.П. Очерк истории высших учебных заведений в Варшаве до открытия императорского Варшавского университета // Варшавские университетские известия. 1893. Т. VIII. С. 1–32; Есипов В.В. Материалы к истории императорского Варшавского университета. Биографические очерки. Вып. II. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1915. С. 5–8.

² Иванов А.Е. Варшавский университет // Большая российская энциклопедия. Т. 4. Москва: Издательство БРЭ, 2006. С. 618–619; Каштанова О.С. Развитие просвещения и культуры в Королевстве Польском (1815–1830) // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 / ответственный редактор С.М. Фалькович. Москва: Индрик, 2010. С. 429–468; Краковский К.П. Нить времени. Часть 2. История юридического факультета Варшавского – Донского – Ростовского университета. Т. 1. 1808–1924 гг. Ростов-на-Дону: Юг, 2005. С. 30–42; Крамская С.В., Шлык С.В. Исторический путь: от Варшавского университета до Ростовского государственного медицинского университета // Южно-Российский журнал терапевтической практики. 2020. № 1 (2). С. 12–14.

правило, не попадает в сферу внимания исследователей. Сравняются лишь два других национальных университета – Виленский и Дерптский³. В польской историографии деятельность Варшавского университета в 1816–1831 гг. представлена гораздо шире. Первый обзор его истории появился в середине 1840-х гг. на страницах польской периодической печати, выходившей в Великом герцогстве Познанском⁴. В начале XX в. она стала предметом научного рассмотрения в фундаментальной монографии Ю. Белинского⁵. В годы существования ПНР деятельность Варшавского университета получила отражение в трудах по истории университета до начала XX в., а также в изданиях, посвященных изучению польской науки в дореволюционный период⁶. Для современной польской историографии характерно усиление внимания к роли университета в культурной жизни Варшавы 1810–1820-х гг.⁷ Двухсотлетний юбилей университета был отмечен появлением обширной коллективной монографии, в которой его деятельности в интересующий нас период отведен большой раздел, написанный М. Мыцельским⁸. В польских

³ См., например: *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России Т. 1. Российские университеты и Устав 1804 года. Москва: Издательство Московского университета, 2002. С. 227–245; *Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. Москва: Знак, 2009. С. 372–407; *Жарова Е.Ю.* Университетские уставы 1803–1804 гг. // Вопросы образования. 2011. № 4. С. 268–290. DOI: 10.17323/1814-9545-2011-4-268-290

⁴ *J. J.* Obraz historyczno-statystyczny byłego Uniwersytetu Królewsko-Warszawskiego do roku 1830 // *Przyjaciel ludu*. 1845. R. 11. Nr 41. S. 322–326, Nr 42. S. 334–335, Nr 44. S. 345–350, Nr 45. S. 353–357, Nr 46. S. 362–366, Nr 47. S. 370–372, Nr 48. S. 379–383, Nr 49. S. 388–391, Nr 50. S. 395–399, Nr 51. S. 401–404, Nr 52. S. 411–416; R. 12. Nr 1. S. 3–4, Nr 2. S. 10–12, Nr 3. S. 18–21, Nr 4. S. 30–32.

⁵ *Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). T. 1–3. Warszawa: [s. n.]; Kraków: W.L. Anczyc i spółka, 1907–1912.

⁶ *Wawrykowa M.* Uniwersytet Warszawski w latach 1816–1831 // *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego, 1807–1915* / pod redakcją S. Kieniewicz. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1981. S. 60–200; *Michalski J.* Warunki rozwoju nauki polskiej w latach 1795–1862 // *Historia nauki polskiej: 10 t. T. III. 1795–1862* / redaktor tomu J. Michalski. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1977. S. 24–58.

⁷ *Kultura artystyczna Uniwersytetu Warszawskiego. Ars et educatio* / redakcja naukowa i koncepcja tomu J. Miziołek. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 2003; *Miziołek J.* Uniwersytet Warszawski: dzieje i tradycja. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2005; см. также англоязычную версию: *Miziołek J.* The University of Warsaw: history and traditions / translation K. Michałowicz and J. Miziołek. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2017.

⁸ *Mycielski M.* Uniwersytet Królewski, 1816–1831 // *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego 1816–1915* / redaktor naukowy T. Kizwalter. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2016. S. 53–361.

исторических исследованиях Варшавский университет также не рассматривается в сопоставлении с высшей школой империи, в основном он сравнивается с другими польскими университетами – Виленским и Краковским.

В настоящей статье предпринята попытка, используя сравнительно-исторический метод, на основе документов, регламентировавших деятельность Варшавского университета – указа об учреждении 1816 г., положения об его устройстве 1818 г., других правительственных распоряжений, а также уставов российских университетов 1803–1804 гг., показать сходства и отличия в функционировании этих высших учебных заведений.

Основная часть

Проведенная в начале XIX в. реформа образования в России способствовала упорядочению системы управления народным просвещением. Территория империи была разделена на шесть учебных округов, руководимых попечителями. Центрами округов являлись университеты: наряду с уже существующими Московским, Виленским и Дерптским, появились университеты в Харькове и Казани, а позднее – в Петербурге. Они должны были контролировать процесс обучения в гимназиях, а те в свою очередь – в уездных и приходских училищах⁹. Эта иерархическая подчиненность низших школ высшим была заимствована из опыта деятельности Эдукационной комиссии Речи Посполитой. Реформа осуществлялась под эгидой Министерства просвещения Главным правлением училищ, в состав которого наряду с прочими вошли лица, хорошо знакомые с традициями польского образования. Члены Правления стали во главе учебных округов, ближайший сподвижник Александра I князь А.Е. Чарторыйский был назначен куратором Виленского учебного округа, граф С. Потоцкий – Харьковского. После присоединения к России Великого княжества Финляндского (1809) и Царства Польского (1815) в империи прибавилось два новых университета, но поскольку данные административные единицы обладали политической автономией, на их территории не было образовано учебных округов. Университет в Або (Турку), затем перенесенный в Гельсингфорс, возник в 1640 г. Варшава же не имела традиций университетского образования, хотя мысль о создании там университета зародилась еще в царствование последнего монарха Речи Посполитой Станислава Августа (причем не исключалась

⁹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Санкт-Петербург: Типография императорской Академии наук, 1864. Т. 1: Царствование императора Александра I. 1802–1825. Ст. 14–16, 45–46, 199–200, 296, 301, 318–319, 327.

возможность перевода в столицу Краковской академии), затем к ней возвращались в период существования Великого герцогства Варшавского, когда ее реализации помешало отсутствие достаточных денежных средств¹⁰.

К числу первых проектов, разработанных правительственной Комиссией (министерством) вероисповеданий и общественного просвещения под председательством С.К. Потоцкого, принадлежал проект учреждения в Варшаве университета, который был высочайше утвержден Александром I 19 ноября 1816 г. В указе императора говорилось об основании Главной школы под названием королевского университета,

в которой юношество, приобретая познания по разным отраслям наук, соответственно своим способностям и будущему званию, приготавливалось бы сделаться полезными слугами и гражданами государства¹¹.

Учебное заведение создавалось на базе уже образованных в 1808–1811 гг. высших школ – права и административных наук и медицинской, которые стали соответствующими факультетами, с присоединением трех новых – математических и физических наук, богословского, изящных наук и искусств. Структура Варшавского университета была близка к структуре университетов империи, состоящих из четырех факультетов – физико-математического, словесного (в Дерптском университете преподавание естественных и гуманитарных дисциплин было объединено на философском факультете), медицинского и юридического. Однако существовало два отличия. Первое заключалось в том, что в российских университетах не было богословского факультета (за исключением Дерптского, а в Виленском его заменяла действующая при университете семинария для католического и униатского духовенства), поскольку обучение будущих священников велось в духовных семинариях¹². Следует отметить, что в более ранних проектах создания

¹⁰ *Barycz H. Zagadnienie uniwersyteckie w epoce Oświecenia // Pamiętnik VII Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich we Wrocławiu 19–22 września 1948. T. II. Z. 1. Warszawa: Nakładem Polskiego Towarzystwa Historycznego, 1948. S. 83–91; Leśnodorski B. Uniwersytety w epoce Oświecenia // Kwartalnik Historyczny. 1964. T. LXXI. Z. 4. S. 905; Bartnicka K. Szkolnictwo wyższe w koncepcjach edukacyjnych Stanisława Staszica // Rozprawy z Dziejów Oświaty. 2006. T. XLV. S. 43–46, 49–50.*

¹¹ Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство просвещения. Варшава: Типография С. Оргельбранда, 1868. Т. VI. Высшие и вспомогательные учебные заведения. С. 82–83.

¹² А.Ю. Андреев приводит данные о том, что первоначально проект устава Московского университета, составленный М.Н. Муравьевым, подразумевал наличие богословского

Варшавской главной школы богословский факультет также отсутствовал¹³. Другим отличием стало присоединение к словесному отделению преподавания художественных специальностей под влиянием немецких и французских образцов. Первоначально оно было введено в Виленском университете, а затем принято в Варшавском и Краковском, что являлось актуальным в условиях отсутствия польских высших художественных заведений¹⁴. В российских университетах по штату полагался учитель рисования¹⁵, который знакомил студентов с основами предмета. Профессиональных живописцев, скульпторов, гравёров и архитекторов готовила петербургская Академия художеств.

Указ гарантировал традиционные права и привилегии университетов: право присвоения всех научных степеней и право цензуры произведений обучающихся в нем преподавателей. Важным моментом было повышение социального статуса преподавателей, в основном не принадлежавших к благородному сословию: по примеру польского короля Сигизмунда (Зыгмунта) I¹⁶ Александр I даровал им личное дворянство, которое после десятилетней службы становилось наследственным¹⁷. В этом смысле их положение не сильно отличалось от статуса российских университетских преподавателей по уставам

факультета. См.: *Андреев А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 54, 271.

¹³ Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 82–85; *Bartnicka K.* Szkolnictwo wyższe w koncepcjach edukacyjnych Stanisława Staszica. S. 43–46, 49–50; *Winiarz A.* Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1831). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. S. 491–500.

¹⁴ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 54; *Bieliński J.* Uniwersytet Wileński (1579–1831). Kraków: W.L. Anczyc i spółka, 1899–1900. Т. II. S. 220–223, 736–765; *Bartnicka K.* Polskie szkolnictwo artystyczne na przełomie XVIII i XIX wieku (1764–1831). Wrocław; Warszawa, Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1971. S. 54–80, 91–253; История Вильнюсского университета (1579–1979) / ответственный редактор С. Лазутка. Вильнюс: Мокслас, 1979. С. 44, 55–57, 65, 88; *Chamcówna M., Mrozowska K.* Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego w latach 1765–1850 // *Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego*. Т. II. Cz. 1: praca zbiorowa pod redakcją K. Opałka. Kraków: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1965. S. 151, 177.

¹⁵ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 143, 1268, Штаты и приложения. С. 12.

¹⁶ Речь шла о привилегии 1535 г., в соответствии с которой магистры и доктора Краковской академии пользовались теми же правами, что и шляхта, а после 20 лет преподавания получали наследственное дворянство, так же, как это было принято в государствах Священной Римской империи.

¹⁷ Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 84–85; *Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). Warszawa: [s. n.]; Kraków: W.L. Anczyc i spółka, 1907. Т. I. S. 13–14, 19–24.

1803–1804 гг., привязанного к «Табели о рангах». Выпускник, окончивший университет со степенью кандидата, уже приобретал чин 12-го класса, дававший право на личное дворянство (с 1822 г. он присваивался любому выпускнику, а юноши, достигшие значительных успехов в науках, при вступлении на службу становились чиновниками 10-го класса). Ученому, защитившему докторскую диссертацию, полагался чин 8-го класса, который гарантировал его дворянские наследственные права, в то время как магистру – 9-го класса. Ординарные профессора состояли в 7-м классе, а ректор в период исполнения им должности – в 5-м¹⁸.

В конце декабря 1816 г. был создан Общий совет Главной варшавской школы во главе с видным польским государственным деятелем С. Сташицем, который приступил к организации университета и выработке его устава, имея в качестве образца статут Краковского университета 1814 г., подготовленный еще в период существования Герцогства Варшавского. В состав Общего совета вошли члены Комиссии вероисповеданий и общественного просвещения, деканы и заместители деканов. В феврале 1817 г. были открыты три новых факультета¹⁹. 2 марта 1818 г. состоялись выборы ректора университета, на которых большинство голосов получил декан богословского факультета В. Швейковский. К этому моменту в штате учебного заведения было 44 преподавателя. 14 мая 1818 г. в костеле св. Креста произошло торжественное открытие университета и инаугурация ректора²⁰.

15 апреля 1818 г. С.К. Потоцкий подписал «Временное внутреннее устройство Варшавского королевского университета», которое действовало до конца существования этого учебного заведения с некоторыми изменениями, вносимыми постановлениями ведомства просвещения, несмотря на разработку в 1821 г. проекта статута комиссией из чиновников этого ведомства и членов Совета университета под председательством примаса архиепископа С. Головчица. Руководство Комиссии вероисповеданий и общественного просвещения желало сначала убедиться в эффективности принятого устава, поэтому он не был представлен на утверждение императору²¹. «Временное

¹⁸ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 40–41, 127, 257–258.

¹⁹ Księga protokołów Rady Ogólnej Uniwersytetu Warszawskiego 1817–1819 / wydał i objaśnieniami opatrzył R. Gerber. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 1958. S. 5–7, 17–101, 177–178.

²⁰ Księga protokołów Rady Ogólnej Uniwersytetu Warszawskiego 1817–1819. S. 8–11, 205–220; Gazeta Warszawska. 19.V.1818. Nr 40. Dodatek. S. 1065–1068; Bieliński J. Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). Warszawa: [s. n.]; Kraków: W.L. Anczyz i spółka, 1912. T. III. S. 754–772.

²¹ Bieliński J. Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). T. I. S. 27–31.

внутреннее устройство» закрепило в составе университета пять существующих факультетов, но были внесены определенные нюансы. Факультет математических и физических наук (с математическим, естественным и философским отделениями) теперь стал называться философским. Но поскольку на факультете за все время был лишь один профессор, преподававший философские дисциплины, функционировали только два первых отделения²².

Согласно уставу, профессора разделялись на ординарных, «принятых» (экстраординарных) и «уполномоченных» (доцентов). Ординарные профессора должны были иметь докторскую степень, они являлись штатными преподавателями и получали фиксированное жалованье. «Принятые» и «уполномоченные» профессора обладали, по крайней мере, степенью магистра. Труд «принятых» профессоров оплачивался на основе временных распоряжений правительственной Комиссии вероисповеданий и общественного просвещения, а «уполномоченные» преподаватели читали лекции бесплатно, либо, с разрешения Комиссии и по соглашению со студентами, получали от них плату за проведенные занятия²³. В апреле 1820 г. последовало новое разделение обучающего персонала на постоянных и временных (экстраординарных) профессоров, лекторов (магистров и докторов) и учителей. При этом требования к научной квалификации ординарных и экстраординарных профессоров повышались: первые должны были получить известность «своим преподаванием или изданными сочинениями», вторые обязывались иметь докторскую степень²⁴. В отличие от Варшавского университета в российских высших учебных заведениях жалованье профессоров и учителей определялось на основе неизменных штатов. В отношении состава преподавателей в разных университетах присутствовала своя специфика. В Московском, Харьковском и Казанском университетах они делились на ординарных, экстраординарных профессоров, адъюнктов и учителей. В Дерптском университете не предполагалось адъюнктов, а в Виленском, в соответствии с уставом, – экстраординарных профессоров, но делались исключения для известных

²² Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 86–87; *J. J. Obraz historyczno-statystyczny byłego Uniwersytetu Królewsko-Warszawskiego do roku 1830 // Przyjacieł ludu. 1845. R. 11. Nr 45. S. 354.*

²³ Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 98–101.

²⁴ Там же. С. 184–185. Требование докторской степени для экстраординарных профессоров действовало и в Дерптском университете. См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 140.

иностранных ученых²⁵. Как и в российских университетах (за исключением Дерптского)²⁶, в Варшавском официально не предусматривалось приват-доцентов, но во «Временном внутреннем устройстве», предписаниях 1820 г. и проекте устава 1821 г. допускались конкурентные занятия по одному и тому же предмету²⁷. Так, в параграфе 62 «Временного внутреннего устройства» говорилось, что такие преподаватели

имеют право обучать всем тем предметам, по которым они получили дипломы на степень магистра или доктора, хотя бы уже находились ординарные профессора этих предметов²⁸.

В Варшавском университете, как и в других университетах империи, всеми преимуществами пользовались лишь ординарные профессора²⁹. Из их числа Комиссия вероисповеданий и общественного просвещения назначала так называемых «депутатов» с правом голоса. Только они входили в советы факультетов и могли быть кандидатами на посты декана или ректора³⁰. Согласно «Временному внутреннему устройству» ректор избирался на 4 года, декан – на 3³¹. Позднее предполагалось сократить эти сроки: для ректора – до 3-х лет, для деканов – до 2-х лет³². В российских же университетах по уставам 1803–1804 гг. ректор и деканы выбирались на 1 год, кроме Виленского, где срок их полномочий составлял 3 года³³. В 1809 г. трехлетнее пребывание на посту ректора было установлено в Московском, а в 1811 г. – в Харьковском и Казанском университетах³⁴. Как и в российских высших учебных заведениях, выбор ректора Варшавского университета утверждал император, деканов –

²⁵ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 54–55, 128, 264–265, 1256.

²⁶ Там же. Ст. 145, 1270.

²⁷ Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 106–107, 182–185; *Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). Т. I. S. 43; Т. II. Warszawa: [s. n.]; Kraków: W.L. Anczyc i spółka, 1911. S. 311; Т. III. S. 11, 88–89, 125, 656–659; *Mycielski M.* Uniwersytet Królewski, 1816–1831. S. 68.

²⁸ Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 106–107.

²⁹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 129, 266, 271, 273.

³⁰ Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 86–87, 100–101, 112–113.

³¹ Там же. С. 96–97.

³² *Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). Т. I. S. 41.

³³ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 45–46, 129, 135, 137, 266, 270.

³⁴ Там же. Ст. 522–524, 634–636.

правительственная Комиссия (министерство)³⁵. Ректор отвечал за выполнение учебного плана и исполнение всех распоряжений Комиссии вероисповеданий и общественного просвещения в отношении университета, должен был заботиться о целостности университетских собраний, о том, чтобы бюджет расходовался по назначению. Ректор рассматривался властями в первую очередь как государственный чиновник, так как до 1821 г. по своей должности входил в состав правительственной Комиссии, но после реорганизации ведомства утратил эту привилегию. Деканов выбирали ординарные профессора факультетов. Они занимались прежде всего студентами, вели списки с разделением на годы обучения и указывали, какие посещать лекции³⁶.

Два раза в год проводились заседания факультетов с участием всех преподавателей, где ординарные профессора имели право голосовать, остальные пользовались только совещательным голосом. На этих заседаниях происходило распределение занятий и устанавливалось их расписание. Декан и назначаемые министерством профессора из числа ординарных составляли факультетский совет, в ведении которого находились рассмотрение учебных программ и вопросов внутреннего порядка, решение споров и «суд» над студентами этого факультета³⁷.

Как и в российских университетах, в Варшавском не было характерного для западноевропейских университетов Сената. Его место занял Совет университета, который собирался раз в месяц и имел исполнительные функции. Совет состоял из ректора и деканов, в него можно было приглашать других профессоров с совещательным голосом. В российских высших учебных заведениях такой орган назывался Правлением, однако он обладал лишь хозяйственной и судебной компетенциями³⁸. Совет Варшавского университета принимал решения по всем вопросам учебного и экономического характера, по которым деканы и ректор не могли вынести самостоятельное суждение, окончательно утверждал программы обучения и расписание занятий, решал

³⁵ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 45–46, 130, 266, 270; Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 92–93.

³⁶ Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 92–97, 118–119; *Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). Т. I. S. 203; *Janowski J.N.* Notatki autobiograficzne 1803–1853 / przygotował do druku, wstępem i przypisami zaopatrzył M. Tyrowicz. Wrocław: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1950. S. 71–72; *Szokalski W.F.* Wspomnienia z przeszłości / opracował A. Wrzosek. Wilno: Księgarnia Stowarzyszenia nauczycielstwa polskiego, 1921. Т. I. S. 122.

³⁷ Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 106–109.

³⁸ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 265.

разные споры, представлял министерству кандидатов в профессора и готовил для него рапорты. Другим общеуниверситетским коллегиальным органом являлись объединенные заседания факультетов – всех или только некоторых, в которых участвовали ректор, деканы и профессора с правом голоса (по крайней мере, по одному от факультета). На этих заседаниях, происходивших в начале года, осуществлялось координирование дидактических вопросов в масштабах всего университета, а также решение общих проблем³⁹.

Варшавский университет пользовался меньшим самоуправлением, чем российские высшие учебные заведения, в которых по уставам существенная роль отводилась Совету университета или Общему собранию, где право голоса имели все ординарные профессора⁴⁰. Также в отличие от российских университетов Варшавский не обладал особыми судебными прерогативами в отношении студентов и преподавателей⁴¹ и решал вопросы сугубо дисциплинарного порядка. К моменту его открытия Европа уже вступала в полосу реакции и правительства разных государств старались усилить контроль над деятельностью университетов и все больше ограничить прежние университетские вольности. Кроме того, следует отметить, что, несмотря на традиции Эдукационной комиссии, Варшавский университет не осуществлял контроль над средним и начальным образованием в Царстве Польском.

Варшавский университет не имел фиксированного бюджета, расходы возрастали по мере роста учебного заведения. За время существования университета его бюджет увеличился более чем в 2 раза: с 209 744 злотых в год (122 032,9 руб. асс.) в 1817 г. до 491 505 злотых (274 795,9 руб. асс.) в 1830 г.⁴² Подобно Виленскому университету, на его содержание шли средства от дохода, получаемого с бывшей собственности иезуитов. Бюджет Варшавского

³⁹ Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 108–113; *Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). Т. I. S. 243.

⁴⁰ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 46–47, 129–133, 273–274, 278–279.

⁴¹ Там же. Ст. 39, 125–126, 134–135, 159–169, 256, 293–296.

⁴² В рассматриваемый период 1 руб. серебром был равен 6,6 польских злотых. Курс ассигнационного рубля, в котором были определены штаты российских университетов, с начала XIX в. снизился более чем в 3 раза, хотя несколько укрепился после 1815 г., так, в 1803–1804 гг. серебряный рубль составлял 125–126 ассигнационных копеек, в 1817 г. – 384 копейки, в 1830 г. – 369 копеек. См.: *Ламанский Е.И.* Исторический очерк денежного обращения в России с 1650 года по 1817 год // Сборник статистических сведений о России, издаваемый Статистическим отделением императорского Русского географического общества. Санкт-Петербург: Типография императорской Академии наук, 1854. Кн. II. С. 151; *Шторх П.* Материалы для истории государственных денежных знаков в России с 1653 по 1840 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. Ч. CXXXVII. С. 822–823.

университета значительно превышал бюджеты Московского, Харьковского и Казанского университетов, определенные в 130 000 руб.⁴³, которые, невзирая на более чем трехкратное обесценивание бумажных денег с 1803 г., до принятия нового устава в 1835 г. оставались неизменными. В самом привилегированном положении оказались Дерптский университет, расходы на который в 1817 г. были увеличены со 140 500 руб. асс. до 337 710 руб.⁴⁴, и особенно Виленский, его бюджет составлял 105 000 руб. серебром⁴⁵ и в 1817–1830 гг. колебался в пределах суммы 403 200 – 387 450 руб. асс. Собственным источником доходов Варшавского университета являлся фонд студенческих оплат за обучение, который возрос с 7 500 злотых в 1817 г. до 41 450 злотых в 1830 г. Этот фонд шел прежде всего на поддержание научных коллекций и кабинетов университета. Из него оплачивались отопление и освещение аудиторий, прибавки к жалованью и другие мелкие издержки⁴⁶. Между жалованьем польских и российских профессоров существовал значительный дисбаланс, связанный с обесцениванием бумажных денег. В Московском, Харьковском и Казанском университетах ординарный профессор получал в год 2 000 руб. асс.⁴⁷ Среднее жалованье профессора Варшавского университета оценивалось в 6 000 злотых в год (3 490,9 – 3 354,5 руб. асс.), исходя из обычной учебной нагрузки – чтение лекций 6 часов в неделю. В свою очередь жалованье варшавских профессоров заметно уступало суммам, отпускаемым их коллегам в Вильно, которые нередко сочетали преподавание основного курса с дополнительным и, помимо 1 000 руб. серебром (3 840 – 3 690 руб. асс.), имели половинную прибавку (1 920 – 1 845 руб. асс.), а также жалованью профессоров Дерптского университета, получавших по новому штату 1817 г. 5 500 руб. асс. в год⁴⁸. Лицам, отвечающим за большие научные коллекции, а также директорам Ботанического сада и Астрономической обсерватории предусматривалось дополнительное вознаграждение. Ректор, кроме обычного жалованья

⁴³ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 32, 259.

⁴⁴ Там же. Ст. 7, 388; *Петухов Е.В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902): исторический очерк. Т. 1: Первый и второй периоды (1802–1865). Юрьев: Типография К. Маттисена, 1902. С. 192, 313, 321–322; *История Тартуского университета, 1632–1982 / под редакцией К. Сийливаска.* Таллин: Периодика, 1982. С. 70–74.

⁴⁵ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 41.

⁴⁶ *Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). Т. I. S. 350–351, 370–371; *Mycielski M.* Uniwersytet Królewski, 1816–1831. S. 72.

⁴⁷ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 31.

⁴⁸ Там же. Ст. 44, 56; *Петухов Е.В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902): исторический очерк. Т. 1. С. 322; *История Тартуского университета, 1632–1982.* С. 74.

профессора, получал 12 000 злотых (6 981,8 – 6 709,1 руб. асс.). Деканам полагалась прибавка 2 000 злотых (1 163,6 – 1 118,2 руб. асс.), а для декана медицинского факультета, как более загруженного работой – 3 000 злотых (1 745,45 – 1 677,25 руб. асс.)⁴⁹. В Московском, Харьковском и Казанском университетах эти прибавки были гораздо скромнее: ректору доплачивали 600 руб., деканам – 300 руб.⁵⁰

Университет располагался в Казимировском дворце и прилегающих строениях, при Станиславе Августе здесь размещалась Рыцарская школа. Позднее были возведены здание факультета изящных наук и искусств и здания, предназначенные для аудиторий с физическим и минералогическим кабинетами⁵¹.

Варшавский университет. Литография Я.Ф. Пиварского, 1824 г.

Преподавание велось на польском языке, за исключением почти всех богословских и филологических дисциплин, отдельных предметов из области

⁴⁹ *Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). T. I. S. 331–332, 342–349, 352–365; *Mycielski M.* Uniwersytet Królewski, 1816–1831. S. 66–67.

⁵⁰ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 31. При этом ректор Виленского университета получал 1200 руб. серебром, а ректор Дерптского университета по уставу 1820 г. – 1000 руб. асс. Там же. Штаты и приложения. С. 2, 36.

⁵¹ *Miziołek J.* Zarys dziejów Uniwersytetu Warszawskiego // *Kultura artystyczna Uniwersytetu Warszawskiego. Ars et educatio.* S. 33–34; *Mycielski M.* Uniwersytet Królewski, 1816–1831. S. 62–63.

медицины и частично римского права, читавшихся на латыни. Первоначально срок обучения в Варшавском университете, как и других университетах империи, составлял 3 года для студентов всех факультетов, кроме медицинского, на котором он продолжался 4 года⁵². Впоследствии курс наук на некоторых факультетах и отделениях был увеличен на год и составил: 5 лет на медицинском факультете, 4 года на богословском, 4 года – для тех, кто хотел окончить полный курс не только права, но и административных наук и 4 года для будущих живописцев, скульпторов и граверов⁵³. В рамках университета действовала также учительская семинария, которая готовила преподавателей для воеводских и окружных школ⁵⁴. В российских университетах те же функции выполняли педагогические институты. В 1821 г. при факультете изящных наук и искусств была создана музыкальная консерватория, преобразованная в 1826 г. в самостоятельное учебное заведение⁵⁵.

Как и в российских университетах⁵⁶, для поступления в Варшавский университет требовалось предоставить аттестат зрелости, которым являлось свидетельство об окончании 6-го класса воеводской школы. Юноши, обучавшиеся дома или за границей, получали такой документ после предварительного экзамена в ближайшем среднем учебном заведении, позднее вступительный экзамен стал проводиться в самом университете. Для изучения отдельных дисциплин достаточно было иметь неполное среднее образование, то есть окончить 4 класса воеводской или полный курс окружной школы. Такие правила действовали в отношении лиц, желавших изучать художественные специальности (за исключением будущих архитекторов), а также медиков среднего звена – будущих хирургов 2-го класса (с 1821 г.), аптекарей, окулистов, акушеров, зубных врачей, обучавшихся по укороченной двух-трехлетней программе⁵⁷. Кроме того, с целью привлечения воспитанников,

⁵² Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 90–91.

⁵³ Там же. С. 208–209; *J. J. Obraz historyczno-statystyczny byłego Uniwersytetu Królewsko-Warszawskiego do roku 1830 // Przyjaciół ludu. 1845. R. 11. Nr 45. S. 353–354; Bieliński J. Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). Т. I. S. 39; Т. II. S. 31–35; Т. III. S. 319.*

⁵⁴ *Bieliński J. Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). Т. I. S. 710.*

⁵⁵ *Bieliński J. Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). Т. I. S. 760–765.*

⁵⁶ В Московском, Харьковском и Казанском университетах при поступлении требовалось представить свидетельство о состоянии, а также о полученных знаниях, поведении и прилежании, выданное директором гимназии, или выдержать экзамен перед лицами, назначенными ректором. См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 286. В Виленском и Дерптском университетах предусматривался вступительный экзамен. Там же. Ст. 56, 108.

⁵⁷ Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 120–123, 148–149, 210–213, 232–233.

временно были введены упрощенные правила приема и для слушателей богословского факультета⁵⁸.

Студенты вносили плату за обучение, составлявшую 100 злотых в год (около 57,6–55,35 руб. асс.), от которой освобождались сыновья профессоров, учителей и чиновников, работавших в сфере образования; юноши, готовившиеся стать учителями; лица, имевшие свидетельство о бедности, и ряд других категорий⁵⁹. В российских университетах (за исключением Дерптского)⁶⁰ образование первоначально было бесплатным, оплачивалось лишь изучение иностранных языков и «изящных предметов», таких как танцы, рисование, музыка, фехтование, гимнастика, за которое взималось 30 руб. асс. в год. В 1820 г. была установлена годовая плата за обучение в размере 20 руб. 57 коп.⁶¹

К 1826 г. число студентов Варшавского университета увеличилось более чем в три раза: с 209 в 1817/18 учебном году до 714. В следующем году из-за введения дополнительного экзамена для поступающих в Обществе для составления учебников и открытия Подготовительной школы проектируемого Политехнического института (куда ушли некоторые выпускники польских учебных заведений) число студентов сократилось более чем на 100, однако уже в 1829 г. составило 773 чел., а в 1830 г. дошло до 903⁶². По количеству учащихся Варшавский университет опережал прочие российские университеты, за исключением Виленского, который лидировал в данном отношении (в 1830 г. в нем учился 1 321 студент)⁶³. Наибольшей популярностью у польской

⁵⁸ *Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). Т. II. S. 24.

⁵⁹ Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 116–119, 162–163, 234–235.

⁶⁰ В Дерптском университете студенты платили 10 руб. асс. за один полугодичный курс в объеме 3–4 часов в неделю и до 15 руб., если профессор увеличивал число лекций. Неимущие студенты освобождались от оплаты. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 144, 1269.

⁶¹ Там же. Ст. 56, 288; *Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань: Издательство Казанского университета, 2005. С. 264.

⁶² *Wawrykowa M.* Uniwersytet Warszawski w latach 1816–1831. S. 166–167; ср.: Posiedzenie publiczne Królewsko-Warszawskiego Uniwersytetu, na pamiątkę założenia jego, przy rozpoczęciu nowego kursu nauk, odbyte 16 września 1826 roku. Warszawa: Drukarnia szkolna, [1826]. S. 5; Posiedzenie publiczne Królewskiego Uniwersytetu, na pamiątkę założenia jego, przy rozpoczęciu nowego kursu nauk, odbyte 16 września 1829 roku. Warszawa: Drukarnia J. Węckiego, [1829]. S. 16–17; Raport Komisji Rządowej Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego na styczniowe roku 1831 posiedzenia sejmowe wygotowany. Warszawa: [s. n.], 1831. S. 4.

⁶³ История Вильнюсского университета (1579–1979). С. 89. По сведениям, приводимым Ф.А. Петровым, в 1831 г. в Московском университете было 814 студентов, в Санкт-

молодежи пользовался факультет юридических и административных наук, на котором училось более половины студентов. 50–55 % среди них составляли выходцы из дворянского сословия, 40 % – мещане, около 5 % – другие социальные группы, в том числе крестьяне. Последние выбирали в основном философский факультет, а также изящных наук и искусств. Представители мещанства поступали на медицинский, а дворяне, как и в России, – на юридический⁶⁴.

Подобно другим университетам, Варшавский университет присваивал ученые степени магистра и доктора наук. Получение первой правительственные сферы рассматривали как доказательство того, что ее обладатель «способен к государственной службе»⁶⁵. Для занятия ответственных постов 1-го класса в государственной администрации кандидаты должны были также пройти двухлетнюю практику и сдать экзамены в Высшей экзаменационной комиссии под председательством министра просвещения, в составе которой среди прочих лиц находились представители от юридического и медицинского факультетов университета⁶⁶. В России требование о получении высшего образования действовало в отношении чиновников, претендующих на посты коллежских асессоров и статских советников, испытания с целью проверки их знаний проводились при университетах⁶⁷.

Степень магистра студенты получали в ходе экзамена по всем обязательным предметам за полный курс обучения: письменного и устного (публичного), в присутствии всех профессоров факультета. Условием приобретения магистром докторской степени было прохождение двухлетней практики по избранной специальности (с 1821 г. для врачей – годичной) и представление научной или

Петербургском – 236, Казанском – 146, Харьковском – 313, Дерптском – 592. См.: *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Часть 2. Российские университеты и люди 1840-х годов. Москва: Издательство Московского университета, 2003. С. 373.

⁶⁴ *Winiarz A.* Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1831). S. 512; *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 2. Становление системы университетского образования в первые десятилетия XIX в. Москва: Издательство Московского университета, 2002. С. 368.

⁶⁵ Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 136–137.

⁶⁶ Там же. С. 138–139; *Dziennik praw Królestwa Polskiego*. [Warszawa, 1816.] Т. 2. Nr 10. С. 226, 228–229, 231–234, 236–242, 245–246, 248–250. О деятельности Высшей экзаменационной комиссии см.: *Winiarz A.* Organizacja i działalność komisji egzaminacyjnych w Księstwie Warszawskim i Królestwie Polskim (1807–1831) // *Przegląd Historyczno-Oświatowy*. 1986. Т. XXIX. Z. 4. S. 453–455, 458.

⁶⁷ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 510–517.

практической работы. Кроме того, публичной защите предшествовал экзамен⁶⁸. Докторских диссертаций защищалось мало, потому что эта степень немного давала в дальнейшей профессиональной карьере. В российских университетах первоначально не был определен порядок получения ученых степеней, что иногда позволяло претенденту стать доктором наук, не имея степени магистра. В соответствии с Положением 1819 г. была установлена более сложная система их присуждения, чем в зарубежных университетах. Это в значительной мере обуславливалось наличием дополнительной ступени между званиями действительного студента (окончившего университет) и магистра, какой являлось звание кандидата. Так, выпускник, не получивший при итоговых экзаменах степень кандидата, допускался к соответствующим испытаниям через год. Кандидат лишь по прошествии 2-х лет мог приступить к магистерским экзаменам, а магистр к докторским – спустя 3 года⁶⁹.

За время существования Варшавского университета лекции посещало 6 533 слушателя, из них – 3 911 студентов. Степени магистра удостоились 893 выпускника университета: 36 чел. на богословском факультете, 659 – на факультете юридических и административных наук, 69 – на медицинском (помимо этого, он выпустил 30 лицензиатов, 33 хирурга 1-й и 2-й степени и 165 фармацевтов), на факультете философии – 78, изящных наук и искусств – 51. Докторские диссертации защитили 13 выпускников: 2 – на факультете юридических и административных наук, 5 – на медицинском и 6 – на философском⁷⁰.

Среди известных преподавателей университета можно отметить выдающихся ученых-юристов – декана факультета юридических и административных наук Я.В. Бандтке, В.А. Мацеёвского, Р. Губе (который в 1821 г. сам окончил Варшавский университет), преподававшего на том же факультете политическую экономию ученого и писателя Ф. Скарбека. На факультете изящных наук и искусств – декана Ф. Бентковского, читавшего лекции по всеобщей истории и теории исторической науки, знаменитого историка И. Лелевеля, преподававшего в 1820–1821 гг. дополнительный курс всеобщей истории и библиографии, профессора польской литературы,

⁶⁸ Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 130–149, 210–211.

⁶⁹ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 2. С. 322, 482; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Ст. 1138–1139.

⁷⁰ Winiarz A. Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1831). S. 515; ср.: J. J. Obraz historyczno-statystyczny byłego Uniwersytetu Królewsko-Warszawskiego do roku 1830 // Przyjaciel ludu. 1845. R. 11. Nr 46. S. 364.

известного поэта К. Бродзиньского; на медицинском – Я.Б. Миле, который сделал ряд открытий в области офтальмологии, физиологии, хирургии, гинекологии⁷¹.

Переход Александра I от либерального к консервативному политическому курсу нашел отражение в общей политике империи в области образования, в частности по отношению к университетам. Этому способствовали события в Германии: Вартбургский съезд 1817 г. и убийство реакционного драматурга А. Коцебу студентом К. Зандом в 1819 г. Недоверие к немецким университетам, разделявшееся правительствами германских государств, российский кабинет перенес и на отечественные высшие учебные заведения, созданные в основном по немецким образцам. Мысль о сокращении числа существующих университетов высказывалась в правящих сферах еще в 1817 г. После отказа от ее осуществления были предприняты меры по ограничению автономии российских университетов. Менее других пострадали Дерптский и Московский университеты, больше всего – Казанский и Петербургский, в которых последовало массовое увольнение профессоров. Некоторые из них были принудительно отстранены от преподавания из-за «неблагонамеренного» содержания их курсов, другие, не согласные с новыми порядками, ушли сами. В высших учебных заведениях ограничивалось преподавание философии и естественного права, конспекты лекций всех преподавателей утверждались министром просвещения. Во многих университетах были приостановлены выборы ректора, он назначался на свою должность по указанию попечителя. Было введено преподавание богословия и усилен контроль не только над казеннокоштными, но и своекоштными студентами, в особенности за посещением ими церкви в воскресные и праздничные дни, ношением мундиров и чтением подобающих книг⁷².

⁷¹ *Michalski J.* Warunki rozwoju nauki polskiej w latach 1795–1862. S. 18, 33–34, 36–37, 39–44, 48–49.

⁷² *Петухов Е.В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902): исторический очерк. Т. 1. С. 336–339; *Загоскин Н.П.* История императорского Казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904. Т. 3. Казань: Типолиитография императорского Казанского университета, 1903. С. 253–541; *Григорьев В.В.* Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка. Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и комп., 1870. С. 33–44; *История Ленинградского университета. 1819–1969: очерки / ответственный редактор В.В. Мавродин.* Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1969. С. 16, 27–37; *Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А.* «Единым вдохновением»: очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII – первой половине XIX вв. Санкт-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета, 2000. С. 121–123, 127–175; *Багалея Д.И.* Опыт истории Харьковского университета (по

Общеимперские тенденции не могли не сказаться и на политике властей Царства Польского. В декабре 1820 г. ушел в отставку либеральный министр С.К. Потоцкий, его преемником стал консервативно настроенный С. Грабовский. С этого времени усилилось влияние императорского комиссара при правительстве Царства Польского – сенатора Н.Н. Новосильцева. Комиссия вероисповеданий и общественного просвещения была преобразована, создана Дирекция общественного воспитания во главе с Ю.К. Шанявским – бывшим якобинцем и видным философом-неокантианцем, перешедшим затем на крайне консервативные позиции. В декабре 1821 г. был учрежден Комитет реформы образования под руководством Новосильцева, куда вошли Грабовский, Шанявский и другие лица. Важнейшим проектом, подготовленным Комитетом в мае 1822 г., стало создание учебной полиции или так называемой Генеральной куратории учебных институтов, основанной по желанию Александра I на австрийских образцах⁷³.

Во главе этой структуры стоял генеральный куратор, которому подчинялись кураторы школ и генеральный инспектор университета. Кроме надзора за учащимися, генеральный инспектор вместе с инспекторами факультетов должен был контролировать работу профессоров, а также финансы учебного заведения. Из-за негативного отношения к проекту заместителя – князя Ю. Зайончека и ряда высших польских государственных сановников он был утвержден императором лишь в июне 1823 г. Генеральным куратором стал сенатор-каштелян Д. Обшельвиц, а генеральным инспектором – бывший декан философского факультета А.И. Зубелевич. Меры, аналогичные принятым в Царстве Польском, в 1826 г. были введены и в Краковской республике,

неизданным материалам). Т. 2 (с 1815 по 1835 год). Харьков: Паровая типография и литография М. Зильберберг и сыновья, 1904. С. 8–30, 52–53, 68–69, 81, 152–153, 164–167, 180–183, 192–193; *Bieliński J.* Uniwersytet Wileński (1579–1831). Т. I. S. 393–408, 423–424, Т. III. S. 545–546, 549–550; История Вильнюсского университета (1579–1979). С. 67; *Иванов А.Е.* Виленский университет Российско-имперского периода (1803–1831): взгляд с Востока // *Иванов А.Е.* Высшая школа Российской империи XVIII – начала XX века: Избранные статьи. Москва: Принципиум, 2019. С. 569–572; История Московского университета / ответственный редактор М.Н. Тихомиров. Т. 1. Москва: Издательство Московского университета, 1955. С. 100–101; *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 2. С. 471–550.

⁷³ *Winiarz A.* Z badań nad Kuratorią Generalną Królestwa Polskiego (1823–1830) // Stan i potrzeby badań nad oświatą i wychowaniem w Królestwie Polskim w latach 1815–1915 / pod redakcją R. Kuchy i K. Poznańskiego. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1989. S. 33–36; *Winiarz A.* Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1831). S. 40–43.

поскольку Новосильцев являлся одним из почетных «опекунов» Ягеллонского университета и оказывал заметное влияние на вопросы образования⁷⁴.

В соответствии с новыми правилами, без свидетельства о хорошем поведении отныне нельзя было поступить в университет, переходить с курса на курс, получить магистерскую степень и степень доктора наук⁷⁵. Чтобы молодежь меньше понимала философию и естественное право, власти приняли решение о преподавании этих дисциплин на латыни. Было введено преподавание богословия для студентов всех факультетов и установлено постоянное время богослужения в праздничные дни. Предписывалось обязательное ношение мундиров, в том числе и во внеучебное время. Студенты не могли сменить квартиру или выехать из Варшавы без разрешения главного инспектора. Оно также было необходимо для посещения театра и всякого рода зрелищ. Запрещалось бывать на танцевальных вечерах, маскарадах, собраниях, публичных балах и обедах, в гостиницах, трактирах, питейных заведениях, бильярдных залах и т.п. Однако меры по контролю за студентами оказались неэффективными, молодежь придумывала разные способы, чтобы их обойти. В сфере внимания Куратории была и деятельность профессоров. В частности, фиксировались опоздания или преждевременное окончание лекций, не поощрялись слишком медленная или слишком быстрая речь, обсуждение правительственных распоряжений, примеры, которые могли «оскорбить достойных особ»⁷⁶.

Одновременно с образованием Куратории разрабатывались проекты ограничения самоуправления университета и его разделения на отдельные высшие школы – медицинскую, юридических и административных наук, Академию изящных искусств, с переводом их из Варшавы в провинцию: Люблин, Лович и другие места⁷⁷. Шанявский писал в правительственном рапорте в 1829 г.:

⁷⁴ *Chamcówna M., Mrozowska K. Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego w latach 1765–1850. S. 148, 159–163.*

⁷⁵ Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. VI. С. 220–225.

⁷⁶ Там же. С. 240–245; *Bieliński J. Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). T. I. S. 16–17, 98, 146–176, 182; Winiarz A. Z badań nad Kuratorią Generalną Królestwa Polskiego (1823–1830). S. 36–45; Winiarz A. Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1831). S. 40–44.*

⁷⁷ *Bieliński J. Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). T. I. S. 196, 199–200; Kraushar A. Raptularz notatek o Uniwersytecie Królewskim w Warszawie 1816–1831 (z rękopisu). Warszawa: Nakładem „Przeglądu Historycznego”, 1911. S. 19.*

Помещение Главной школы в столице начинает становиться пагубным для большей основательности наук, для интереса морали и обычаев, а также для очень важных интересов правительства⁷⁸.

Планы разделения университета пытались проводить постепенно. В 1823 г. был практически ликвидирован богословский факультет, поскольку для обучения католических священников учреждалась Главная семинария, подчиненная варшавскому архиепископу. Действовавшая при университете учительская семинария была упразднена и создан независимый от него Педагогический институт. В 1826 г. в Варшавском университете были приостановлены выборы ректора. От дальнейших шагов, направленных против университета, властям пришлось отказаться, так как позиции Новосильцева и связанных с ним Грабовского и Шанявского при Николае I стали ослабевать. В 1830 г. положение университета было укреплено вследствие дарования ему (по просьбе властей учебного заведения) нового названия – Александровский королевский университет, что должно было подчеркнуть историческую преемственность и намерение нового монарха сохранить дело своего предшественника. Тогда же последовало отстранение Шанявского от влияния на образовательную политику в Царстве Польском вследствие назначения Я.М. Фредро, старшего брата известного комедиографа А. Фредро, также известного своими литературными трудами, генеральным куратором и заместителем министра по вопросам публичного воспитания⁷⁹.

Однако это не сильно изменило ситуацию. В ноябре 1830 г. в Варшаве вспыхнуло восстание, в подготовке которого наряду с учениками школы подхорунжих участвовали молодые литераторы и студенты. После его подавления университет 21 ноября 1831 г. был закрыт, а большая часть книг из библиотеки и коллекций кабинета гравюр в 1834 г. вывезена в Петербург⁸⁰. Университет под именем Варшавской главной школы был восстановлен лишь в 1862 г., накануне нового восстания. В 1867 г. он вошел в одноименный

⁷⁸ Цит. по: *Winiarz A.* Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1831). S. 514.

⁷⁹ *Lipiński T.* Zapiski z lat 1825–1832 / do druku przygotował i przypiskami objaśnił K. Bartoszewicz. Kraków: Drukarnia A. Kozłiańskiego, 1883. S. 39, 181; *Kraushar A.* Raptularz notatek o Uniwersytecie Królewskim w Warszawie 1816–1831 (z rękopisu). S. 19; *Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). T. I. S. 24–26, 200, 204–205, 214, 703–705, 707–715; T. III. S. 825, 842–843; *Winiarz A.* Z badań nad Kuratorią Generalną Królestwa Polskiego (1823–1830). S. 46–47; *Winiarz A.* Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1831). S. 50–51, 340–344.

⁸⁰ *Winiarz A.* Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1831). S. 515.

учебный округ империи и в 1869 г. был преобразован в учебное заведение с русским языком преподавания – императорский Варшавский университет. Во время Первой мировой войны, летом 1915 г., в связи с отступлением российских войск Варшавский университет, в котором к тому времени подавляющее большинство составляли русские преподаватели и студенты, был эвакуирован сначала в Москву, затем в Ростов-на-Дону. В 1917 г. на его основе возник Донской, а позднее – Ростовский государственный университет. В Варшаве в ноябре 1915 г. с разрешения германских властей был снова открыт польский университет, который после обретения Польшей независимости успешно развивается и существует в настоящее время.

Выводы

Сравнивая принципы функционирования Варшавского университета и других университетов Российской империи в первой трети XIX в., следует отметить, что они содержали много общего, базируясь на моделях преподавания в высших школах Германии и отчасти – Франции. Положения, регулирующие работу Варшавского университета, в отдельных пунктах были приближены к российским уставам. Отличия в польской и российской университетских системах обуславливались национальной спецификой, традициями обучения в польских высших учебных заведениях и бóльшим заимствованием поляками европейского опыта, наконец, более поздним временем возникновения. Подобно европейским университетам, Варшавский университет имел богословский факультет, по примеру Вильно в нем также преподавались художественные специальности. По уровню обучения он не уступал многим российским университетам. Как и другие университеты империи, Варшавский был нацелен, в первую очередь, на подготовку государственных чиновников. В то же время он являлся всесторонним центром обучения для польской молодежи. Из его стен вышли известные ученые, поэты, писатели, врачи, деятели искусства, сыгравшие видную роль в польской научной, литературной и культурной жизни последующего периода.

Introduction

In Russian historiography, little research was devoted to the University of Warsaw in the first third of the 19th century. In the late 19th – early 20th century, brief outline of the development of the university was drawn in the works on higher education in the Congress Kingdom of Poland written by its professors I. Shchelkov and V. Esipov.¹ Soviet historical studies did not consider this issue. In the modern period, interest in the history of the University of Warsaw has somewhat increased. General information about the university and some of its faculties can be found in encyclopedic publications, works on the history and culture of Poland, works on university education in Rostov-on-Don, where the University of Warsaw was evacuated in 1915.² Currently, there is a tendency to study the history of Russian universities against the background of the development of higher education in Europe. However, due to the isolated position of the University of Warsaw in the system of higher educational institutions of the Russian Empire in the first third of the 19th century, it usually does not fall into the sphere of researchers' attention. Only two other national universities, Vilna University and Dorpat University, are compared.³ In Polish historiography, the activities of the University of Warsaw in 1816–31 have been given more extensive coverage. The first review of its history appeared in the mid-1840s in the pages of the Polish periodical published in the Grand Duchy of Posen.⁴ At the beginning of the 20th century, it became the subject of

¹ I.P. Shchelkov, "An essay on the history of higher educational institutions in Warsaw before the opening of the Imperial University of Warsaw" [in Russian], *Varshavskie universitetskie izvestiya*, vol. 8 (1893): 1–32; V.V. Esipov, *Materials on the history of the Imperial University of Warsaw. Biographical sketches* [in Russian], is. 2 (Warsaw: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga, 1915), 5–8.

² A.E. Ivanov, "The University of Warsaw" [in Russian], in *Great Russian Encyclopedia*, vol. 4 (Moscow: Izdatel'stvo BRE, 2006), 618–19; O.S. Kashtanova, "Development of education and culture in the Congress Kingdom of Poland (1815–1830)" [in Russian], in *Poland and Russia in the first third of the 19th century. From the history of the Congress Kingdom of Poland. 1815–1830*, ed. S.M. Fal'kovich (Moscow: Indrik, 2010), 429–68; K.P. Krakovskii, *The thread of time. Part 2. History of the Faculty of Law of the Warsaw – Don – Rostov University* [in Russian], vol. 1, 1808–1924 (Rostov-on-Don: Yug, 2005), 30–42; S.V. Kramskaya and S.V. Shlyk, "Historical path: from Warsaw University to Rostov State Medical University" [in Russian], *Yuzhno-Rossiiskii zhurnal terapevticheskoi praktiki*, no. 1 (2) (2020): 12–14.

³ See, e.g., F.A. Petrov, *Formation of the system of university education in Russia* [in Russian], vol. 1, *Russian universities and the Charter of 1804* (Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2002), 227–45; A.Yu. Andreev, *Russian universities of the 18th – first half of the 19th centuries in the context of European university history* [in Russian] (Moscow: Znak, 2009), 372–407; E.Yu. Zharova, "University statutes, 1803–1804" [in Russian], *Voprosy obrazovaniya*, no. 4 (2011): 268–90, <https://www.doi.org/10.17323/1814-9545-2011-4-268-290>

⁴ J. J., "Obraz historyczno-statystyczny byłego Uniwersytetu Królewsko-Warszawskiego do roku 1830," *Przyjaciel ludu*, 1845, r. 11, no. 41, p. 322–26, no. 42, p. 334–35, no. 44, p. 345–50,

scientific consideration in the fundamental monograph by J. Bieliński.⁵ During the times of the Polish People's Republic, the activities of the University of Warsaw were reflected in the works on the history of the university before the beginning of the 20th century as well as in the publications devoted to the study of Polish science in the pre-revolutionary period.⁶ Present-day Polish historiography is characterized by increased attention to the role of the university in the cultural life of Warsaw in the 1810s–20s.⁷ The bicentennial anniversary of the university was marked by the appearance of an extensive joint monograph, in which a large section written by M. Mycielski⁸ is devoted to the university's activities in the period in question. In Polish historical studies, the University of Warsaw is not considered in comparison with the higher school of the Empire either; generally, it is compared with other Polish universities in Vilna and in Krakow.

This article aims at showing similarities and differences in the functioning of the University of Warsaw and Russian universities using the comparative historical method on the basis of the documents that regulated the activities of the University of Warsaw (the decree on the establishment as of 1816, the regulation on its structure as of 1818, other government orders) and the charters of Russian universities dated 1803–04.

Main body

The reform of education in Russia at the beginning of the 19th century contributed to the streamlining of the management of national education system. The territory of the Empire was divided into six educational districts headed by trustees. Universities

no. 45, p. 353–57, no. 46, p. 362–66, no. 47, p. 370–72, no. 48, p. 379–83, no. 49, p. 388–91, no. 50, p. 395–99, no. 51, p. 401–04, no. 52, p. 411–16; r. 12, no. 1. p. 3–4, no. 2, p. 10–12, no. 3, p. 18–21, no. 4. p. 30–32.

⁵ J. Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831)*, vol. 1–3 (Warsaw: [n. p.]; Kraków: W.L. Anczyc i spółka, 1907–1912).

⁶ M. Wawrykowa, “Uniwersytet Warszawski w latach 1816–1831,” in *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego, 1807–1915*, ed. S. Kieniewicz (Warsaw: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1981), 60–200; J. Michalski, “Warunki rozwoju nauki polskiej w latach 1795–1862,” in *Historia nauki polskiej*, vol. 3, 1795–1862, ed. J. Michalski (Wrocław; Warsaw; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1977), 24–58.

⁷ J. Miziołek, ed., *Kultura artystyczna Uniwersytetu Warszawskiego. Ars et educatio* (Warsaw: Uniwersytet Warszawski, 2003); J. Miziołek, *Uniwersytet Warszawski: dzieje i tradycja* (Warsaw: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2005); in English, see also J. Miziołek, *The University of Warsaw: history and traditions*, trans. K. Michałowicz and J. Miziołek (Warsaw: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2017).

⁸ M. Mycielski, “Uniwersytet Królewski, 1816–1831,” in *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego 1816–1915*, ed. T. Kizwalter (Warsaw: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2016), 53–361.

were the centers of the districts: along with the already existing universities in Moscow, Vilna, and Dorpat, universities appeared in Kharkov and Kazan, and later in St Petersburg. They were to control the instruction at gymnasiums, and those, in turn, in county and parish schools.⁹ This hierarchical subordination of lower schools to higher ones was borrowed from the experience of the Educational Commission of the Polish-Lithuanian Commonwealth. The reform was carried out under the auspices of the Ministry of National Education by the Main Board of Schools, which included the persons who were well acquainted with the traditions of Polish education. The members of the board became the heads of the educational districts: Prince A. Czartoryski, a close associate of Alexander I, was appointed curator of the Vilna educational district; Count S. Potocki, of Kharkov educational district. After the annexation of the Grand Duchy of Finland (1809) and the Kingdom of Poland (1815), two new universities appeared in the empire, but since these administrative entities had political autonomy, no educational districts were formed in their territory. The University in Abo (Turku), which was later moved to Helsingfors, was founded in 1640. Warsaw had no traditions of university education, although the idea of establishing a university there originated during the reign of Stanisław August, the last monarch of the Polish-Lithuanian Commonwealth (and the possibility of transferring Krakow Academy to the capital was not excluded). Then that idea was revisited during the existence of the Grand Duchy of Warsaw, but its implementation was prevented by the shortage of funds.¹⁰

Among the first projects developed by the Government Commission (Ministry) of Religions and Public Education under the chairmanship of S. Potocki was the project of establishing a university in Warsaw, which was given imperial approval by Alexander I on November 19, 1816. The decree of the Emperor referred to the foundation of the main school called the Royal University,

⁹ *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, *Reign of Emperor Alexander I. 1802–1825* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya imperatorskoi Akademii nauk, 1864), art. 14–16, 45–46, 199–200, 296, 301, 318–19, 327.

¹⁰ H. Barycz, “Zagadnienie uniwersyteckie w epoce Oświecenia,” in *Pamiętnik VII Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich we Wrocławiu 19–22 września 1948*, vol. 2, pt. 1 (Warsaw: Nakładem Polskiego Towarzystwa Historycznego, 1948), 83–91; B. Leśnodorski, “Uniwersytety w epoce Oświecenia,” *Kwartalnik Historyczny*, vol. 71, no. 4 (1964): 905; K. Bartnicka, “Szkolnictwo wyższe w koncepcjach edukacyjnych Stanisława Staszica,” *Rozprawy z Dziejów Oświaty*, vol. 45 (2006): 43–46, 49–50.

in which the youth, acquiring knowledge in various branches of science according to their abilities and future rank, would be prepared to become useful servants and citizens of the state.¹¹

The educational institution was established on the basis of the higher schools that had already been founded in 1808–11 (the school of law and administrative sciences and the school of medicine, which became the corresponding faculties) with the addition of three new schools (of mathematical and physical sciences, theology, fine sciences and arts). The structure of the University of Warsaw was close to that of the universities in the empire, which consisted of four faculties: physics and mathematics, literature (at the University of Dorpat, natural sciences and humanities were combined at the philosophical faculty), medicine, and law. However, there were two differences. The first difference was that there was no theological faculty in Russian universities (except for Dorpat University; in Vilna it was replaced by the seminary for Catholic and Uniate clergy under the university) because the training of priests was conducted in theological seminaries.¹² It should be noted that theological faculty was not included in earlier draft proposals for the establishment of Warsaw's main school.¹³ Another difference was that teaching arts became part of the philological department under the influence of German and French models. Initially, it was introduced at Vilna University and then adopted by Warsaw and Krakow universities, which was relevant in the absence of Polish higher art institutions.¹⁴ In

¹¹ *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland. Department of Education* [in Russian], vol. 6, *Higher and auxiliary educational institutions* (Warsaw: Tipografiya S. Orgel'branda, 1868), 82–83.

¹² A.Yu. Andreev cites the information that initially the draft charter of Moscow University compiled by M.N. Muravyov included the faculty of theology. See A.Yu. Andreev, *Moscow University in the social and cultural life of Russia in the early 19th century* [in Russian] (Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000), 54, 271.

¹³ *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 82–85; Bartnicka, "Szkolnictwo wyższe w koncepcjach edukacyjnych Stanisława Staszica," 43–46, 49–50; A. Winiarz, *Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1831)* (Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002), 491–500.

¹⁴ *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 54; J. Bieliński, *Uniwersytet Wileński (1579–1831)* (Kraków: W.L. Anczyc i spółka, 1899–1900), vol. 2: 220–23, 736–65; K. Bartnicka, *Polskie szkolnictwo artystyczne na przełomie XVIII i XIX wieku (1764–1831)* (Wrocław; Warsaw, Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1971), 54–80, 91–253; S. Lazutka, ed., *History of Vilnius University (1579–1979)* (Vilnius: Mokslas, 1979), 44, 55–57, 65, 88; M. Chamcówna and K. Mrozowska, *Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego w latach 1765–1850*. *Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego*, vol. 2, pt. 1, ed. K. Opałek (Kraków: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1965), 151, 177.

Russian universities, the teaching staff included a teacher of drawing¹⁵ who introduced students to the basics of the subject. Professional painters, sculptors, engravers, and architects were trained at St Petersburg Academy of Arts.

The decree guaranteed the traditional rights and privileges of universities: the right to award all academic degrees and the right to censor the works of its instructors. Of importance was also an increase of the social status of instructors who did not belong to the noble estate. Following the example of Polish King Sigismund (Zygmunt) I,¹⁶ Alexander I granted them personal nobility, which became hereditary after ten years of service.¹⁷ In this sense, their position did not differ very much from the status of Russian university instructors according to the charters of 1803–1804 that were connected with the Table of Ranks. A university graduate with a candidate's degree acquired the rank of the 12th grade, which gave the right to personal nobility (after 1822 it was assigned to any graduate, and young men who achieved significant success in the sciences became officials of the 10th grade on entering the service). The scientist who defended his doctoral dissertation was entitled to the rank of the 8th grade, which guaranteed his noble hereditary rights, while a master was of the 9th grade. Ordinary professors held the 7th grade, and the rector held the position of the 5th during the period of office.¹⁸

At the end of December 1816, the General Council of the main Warsaw school was established. It was headed by S. Staszic, a prominent Polish statesman, who began organizing the university and drafting its charter based on the model of the charter of the University of Krakow of 1814 that was drafted during the existence of the Duchy of Warsaw. The General Council consisted of members of the Commission of Religions and Public Education, deans, and deputy deans. In February 1817, three new faculties were opened.¹⁹ On March 2, 1818, elections of the university rector were held, in which W. Szweykowski, dean of the faculty of theology, received the majority of votes. At that time, the staff of the educational

¹⁵ *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 143, 1268, "Personnel and appendices," 12.

¹⁶ It was a privilege of 1535, according to which the masters and doctors of Krakow Academy enjoyed the same rights as the szlachta, and after 20 years of teaching they received hereditary nobility in the same way as it was customary in the states of the Holy Roman Empire.

¹⁷ *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 84–85; J. Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831)*, vol. 1 (Warsaw: [n. p.]; Kraków: W.L. Anczyc i spółka, 1907), 13–14, 19–24.

¹⁸ *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 40–41, 127, 257–58.

¹⁹ R. Gerber, ed., *Księga protokołów Rady Ogólnej Uniwersytetu Warszawskiego 1817–1819* (Warsaw: Uniwersytet Warszawski, 1958), 5–7, 17–101, 177–78.

institution included 44 instructors. On May 14, 1818, the Church of the Holy Cross housed the grand opening of the university and the inauguration of the rector.²⁰

On April 15, 1818, S. Potocki signed “The Temporary Internal Structure of the Royal University of Warsaw”, which was valid until the end of the existence of this educational institution with some changes introduced by the resolutions of the educational department despite the development in 1821 of the draft charter by a commission of officials of this department and members of the University Council chaired by Archbishop S. Hołowczyc, primate of the Kingdom of Poland. The leadership of the Commission of Religions and Public Education wanted to be convinced of the effectiveness of the adopted charter first, which is why it was not submitted for approval to the Emperor.²¹ “The Temporary Internal Structure” consolidated five existing faculties within the university, but certain nuances were introduced. The faculty of mathematical and physical sciences (with mathematical, natural and philosophical departments) was now become known as the philosophical faculty. But since there was only one professor who taught philosophical disciplines at the faculty, only mathematical and natural departments functioned.²²

According to the charter, professors were divided into ordinary, “accepted” (extraordinary) and “authorized” (associate professors). Ordinary professors were to hold a doctorate; they were full-time instructors and received a fixed salary. “Accepted” and “authorized” professors were to hold no less than a master’s degree. The work of the “accepted” professors was paid on the basis of temporary orders of the government Commission of Religions and Public Education, and the “authorized” instructors delivered lectures for free, or with the permission of the Commission and by agreement with the students, received payment for the classes from them.²³ In April 1820, there was a new division of the teaching staff into permanent and temporary (extraordinary) professors, lecturers (masters and doctors), and teachers. At the same time, the requirements for the scientific qualifications of ordinary and extraordinary professors increased: the former were to become famous “for their teaching or published works”; the latter were obliged to hold a doctorate.²⁴ Unlike the University of Warsaw, the salaries of professors and teachers of Russian higher

²⁰ Gerber, *Księga protokołów Rady Ogólnej Uniwersytetu Warszawskiego*, 8–11, 205–20; *Gazeta Warszawska*, May 19, 1818, Dodatek, p. 1065–68; J. Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831)*, vol. 3 (Warsaw: [n. p.]; Kraków: W.L. Anczyc i spółka, 1912), 754–72.

²¹ Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831)*, vol. 1, 27–31.

²² *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 86–87; J. J. “Obraz historyczno-statystyczny byłego Uniwersytetu Królewsko-Warszawskiego do roku 1830,” *Przyjaciel ludu*, 1845, r. 11, no. 45, p. 354.

²³ *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 98–101.

²⁴ *Ibid*, 184–85. The requirement for extraordinary professors to hold a doctoral degree was also in effect at Dorpat University. See *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 140.

educational institutions were determined on the basis of permanent tables of staff. Different universities had their own specifics in the system of teaching positions. At Moscow, Kharkov, and Kazan universities, instructors were divided into ordinary professors, extraordinary professors, adjuncts, and teachers. There were no adjuncts at Dorpat University and no extraordinary professors at Vilna University in accordance with the charter, but exceptions were made for well-known foreign scientists.²⁵ Like in Russian universities (with the exception of Dorpat²⁶), the University of Warsaw did not officially have privat-docents, but “The Temporary Internal Structure”, the regulations of 1820, and the draft charter of 1821 stipulated for competitive classes in the same subject.²⁷ For instance, Paragraph 62 of “The Temporary Internal Structure” stated that such teachers

have the right to teach all the subjects in which they have received master’s or doctorate degrees, even if there are ordinary professors of these subjects.²⁸

Like at the other universities of the empire, only ordinary professors enjoyed all the advantages at the University of Warsaw.²⁹ From among them, the Commission of Religions and Public Education appointed so-called deputies with the right to vote. They were the only ones who could be members of the faculty councils and candidates for the posts of deans or rector.³⁰ According to “The Temporary Internal Structure,” the rector was elected for 4 years; the dean, for 3 years.³¹ Later it was supposed to reduce these terms to 3 years for the rector and to 2 years for deans.³² In Russian universities, according to the charters of 1803–04, the rector and deans were elected for 1 year, except for Vilna University, where their term of office was 3 years.³³ In 1809, a three-year tenure as rector was established at Moscow University, and in 1811, in Kharkov and Kazan universities.³⁴ In the same was as it

²⁵ *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 54–55, 128, 264–65, 1256.

²⁶ *Ibid.*, art. 145, 1270.

²⁷ *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 106–07, 182–85; Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831)*, vol. 1, 43; vol. 2 (Warsaw: [n. p.]; Kraków: W.L. Anczyc i spółka, 1911), 311; vol. 3, 11, 88–89, 125, 656–59; Mycielski, “Uniwersytet Królewski,” 68.

²⁸ *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 106–07.

²⁹ *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 129, 266, 271, 273.

³⁰ *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 86–87, 100–01, 112–13.

³¹ *Ibid.*, 96–97.

³² Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski*, vol. 1, 41.

³³ *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 45–46, 129, 135, 137, 266, 270.

³⁴ *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 522–24, 634–36.

was in Russian higher educational institutions, the elected rector of the University of Warsaw was approved by the Emperor and the elected deans, by the Government Commission (Ministry).³⁵ The rector was responsible for the implementation of the curriculum and the execution of all orders of the Commission of Religions and Public Education regarding the university, the integrity of university meetings, and the expenditure of budget funds for the purposes they were intended for. The rector was considered by the authorities primarily as a government official because before 1821 he had been a member of the government Commission *ex officio* but after the reorganization of the department he lost this privilege. The deans were elected by the ordinary professors of the faculties. The deans dealt primarily with students, kept lists of students divided by years of study, and instructed them as to which lectures to attend.³⁶

Faculty meetings were held twice a year with the participation of all instructors, but only ordinary professors had the right to vote and the rest of the teaching staff had only an advisory voice. At these meetings, classes were allotted and the timetable was set. The dean and ordinary professors appointed by the Ministry formed the faculty council that was responsible for reviewing curricula, considering internal issues, resolving disputes, and holding “court” of the students of the faculty.³⁷

Like Russian universities, the University of Warsaw did not have a Senate typical of Western European universities. Its place was taken by the University Council, which met once a month and had executive functions. The council consisted of the rector and deans; other professors could be invited with an advisory voice. In Russian higher educational institutions, such a body was referred to as the board, but it had only economic and judicial competence.³⁸ The Council of the University of Warsaw made decisions on all educational and economic issues on which the deans and the rector could not make an independent judgment, gave final approval to the curricula and class timetable, resolved various disputes, nominated candidates for professorship to be approved by the Ministry, and prepared reports for it. Joint meetings of faculties (all or only some of them) were another university-wide collegial body that included the rector, deans, and professors with the right to vote (at least one from each faculty). These meetings, which took place at the beginning of

³⁵ *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 45–46, 130, 266, 270; *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 92–93.

³⁶ *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 92–97; Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski*, vol. 1, 203; J.N. Janowski, *Notatki autobiograficzne 1803–1853*, foreword and commentary by M. Tyrowicz (Wrocław: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1950), 71–72; W.F. Szokalski, *Wspomnienia z przeszłości*, comp. A. Wrzosek, vol. 1 (Wilno: Księgarnia Stowarzyszenia nauczycielstwa polskiego, 1921), 122.

³⁷ *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 106–09.

³⁸ *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 265.

the year, coordinated didactic issues of university-wide scale and resolved common problems.³⁹

The University of Warsaw enjoyed less self-government than Russian higher education institutions, in which, according to the charters, a significant role was assigned to the University Council or the General Assembly where all ordinary professors had the right to vote.⁴⁰ Also, unlike Russian universities, the University of Warsaw did not have special judicial prerogatives regarding students and teachers⁴¹ and solved issues of a purely disciplinary nature. By the time of its opening, Europe had already entered a period of reaction and the governments of different states were trying to strengthen control over the activities of universities and to limit the old university liberties. It should also be noted that despite the traditions of the Educational Commission, the University of Warsaw did not exercise control over secondary and primary education in Congress Poland.

The University of Warsaw did not have a fixed budget. Its expenses increased as the institution was growing. During the existence of the university, its budget more than doubled: from 209,744 zloty per year (122,032.9 assignation roubles) in 1817 to 491,505 zloty (274,795.9 assignation roubles) in 1830.⁴² Like Vilna University, it was supported by the income from the former property of the Jesuits. The budget of the University of Warsaw significantly exceeded the budgets of Moscow, Kharkov and Kazan universities of 130,000 roubles,⁴³ which, despite depreciation of paper money more than thrice after 1803, remained unchanged until the adoption of the new charter in 1835. In this respect, the positions of Dorpat University and especially of Vilna University were most privileged: maintenance costs of Dorpat University were increased from 140,500 assignation roubles to 337,710 roubles in 1817;⁴⁴ the

³⁹ *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 108–13; Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski*, vol. 1, 243.

⁴⁰ *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 46–47, 129–33, 273–74, 278–79.

⁴¹ *Ibid.*, art. 39, 125–26, 134–35, 159–69, 256, 293–96.

⁴² In the period under review, 1 rouble in silver was equal to 6.6 Polish zlotys. In the early 19th century, the exchange rate of the assignation rouble, which was used to determine the budget of Russian universities, decreased more than 3 times, although it somewhat strengthened after 1815. In 1803–04, the silver rouble was equal to 125–126 assignation banknote kopecks; in 1817, to 384 kopecks; in 1830, to 369 kopecks. See E.I. Lamanskii, “A historical essay on monetary circulation in Russia from 1650 to 1817” [in Russian], in *Collection of statistical information about Russia, published by the Statistical Department of the Imperial Russian Geographical Society* (St Petersburg: Tipografiya imperatorskoi Akademii nauk, 1854), bk. 2, 151; P. Storkh, “Materials on the history of state banknotes in Russia from 1653 to 1840,” *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, pt. 137 (1868): 822–23.

⁴³ *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 32, 259.

⁴⁴ *Ibid.*, art. 7, 388; E.V. Petukhov, *Imperial Yuryevsky University, formerly Dorpat University in a hundred years of its existence (1802–1902): a historical essay* [in Russian], vol. 1, *First and*

budget of Vilna University amounted to 105,000 roubles in silver,⁴⁵ and in 1817–30 it fluctuated between the amount of 403,200 and 387,450 assignation roubles. The University of Warsaw had its own source of income from student tuition fees and that fund increased from 7,500 zloty in 1817 to 41,450 zloty in 1830. This money was primarily used to maintain the university's scientific collections and classrooms. It was used to pay for heating and lighting of classrooms, additions to salaries, and other small expenses.⁴⁶ There was a significant imbalance between the salaries of Polish and Russian professors associated with the depreciation of paper money. At Moscow, Kharkov and Kazan universities, an ordinary professor earned 2,000 assignation roubles per year.⁴⁷ The average salary of a professor at the University of Warsaw was estimated at 6,000 zloty per year (3,490.9 – 3,354. assignation roubles) based on the usual academic load, 6 hours of lectures a week. On the other hand, the salary of Warsaw professors was noticeably smaller than the amounts paid to their colleagues from Vilna University and Dorpat University. The former often combined teaching the main course with a supplementary one and had a 50% increment (1,920 – 1,845 assignation roubles) to 1,000 roubles in silver (3,840 – 3,690 assignation roubles); the latter received 5,500 assignation roubles⁴⁸ according to the new table of staff of 1817. Additional remuneration was provided to persons responsible for large scientific collections as well as to the directors of the Botanical Gardens and the Astronomical Observatory. In addition to the usual salary of a professor, the rector received 12,000 zloty (6,981.8 – 6,709.1 assignation roubles). The deans were entitled to an increment of 2,000 zloty (1,163.6 – 1,118.2 assignation roubles), and the dean of the faculty of medicine with greater workload, 3,000 zloty (1,745.45 – 1,677.25 assignation roubles)⁴⁹. At Moscow, Kharkov, and Kazan universities, these increments were much more modest: the rector was paid 600 roubles and the deans, 300 roubles.⁵⁰

The university was located in the Kazimierz Palace and adjacent buildings. During the times of Stanisław August, Nobles' Academy of the Corps of Cadets was

second periods (1802–1865) (Yur'ev: Tipografiya K. Mattisena, 1902), 192, 313, 321–22; K. Siilivask, ed., *History of the University of Tartu* [in Russian] (Tallinn: Periodika, 1982), 70–74.

⁴⁵ *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 41.

⁴⁶ Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski*, vol. 1, 350–51, 370–71; Mycielski, “Uniwersytet Królewski,” 72.

⁴⁷ *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 31.

⁴⁸ *Ibid.*, art. 44, 56; Petukhov, *Imperial Yuryevsky, formerly Dorpat University*, vol. 1, 322; Siilivask, *History of the University of Tartu*, 74.

⁴⁹ Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski*, vol. 1, 331–32, 342–49, 352–65; Mycielski, “Uniwersytet Królewski,” 66–67.

⁵⁰ *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 31. The rector of Vilna University received 1,200 roubles in silver, and the rector of Dorpat University, 1000 assignation roubles according to the charter of 1820. *Ibid.*, Personnel and appendices, 2, 36.

located there. Later, the building of the faculty of fine arts and sciences and buildings designed for physical and mineralogical were erected.⁵¹

The University of Warsaw. Lithograph by J.F. Piwarski, 1824

The instruction was in Polish, with the exception of almost all theological and philological disciplines, individual subjects from the field of medicine and Roman law that were taught in Latin. Initially, the duration of study at the University of Warsaw, as well as at other universities of the Empire, was 3 years for students of all faculties except for medical faculty where it lasted 4 years.⁵² Subsequently, the course of sciences at some faculties and departments was increased by one year. It lasted 5 years at the faculty of medicine; 4 years at the faculty of theology; 4 years for those who wanted to complete a full course of law as well as administrative sciences; and 4 years for future painters, sculptors, and engravers.⁵³ At the university there was also a teacher's seminary, which trained teachers for voivodeship and district schools.⁵⁴ In Russian universities, the same functions were performed by pedagogical institutes. In 1821, a music conservatory was established at the faculty of fine arts

⁵¹ J. Miziołek, "Zarys dziejów Uniwersytetu Warszawskiego," in *Kultura artystyczna Uniwersytetu Warszawskiego. Ars et educatio*, ed. J. Miziołek (Warsaw: Uniwersytet Warszawski, 2003), 33–34; Mycielski, "Uniwersytet Królewski," 62–63.

⁵² *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 90–91.

⁵³ *Ibid.*, 208–09; J. J. "Obraz historyczno-statystyczny byłego Uniwersytetu Królewsko-Warszawskiego do roku 1830," *Przyjaciel ludu*, 1845, r. 11, no. 45, p. 353–54; Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski*, vol. 1, 39; vol. 2, 31–35; vol. 3, 319.

⁵⁴ Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski*, vol. 1, 710.

and sciences, which was transformed into an independent educational institution in 1826.⁵⁵

Like in Russian universities,⁵⁶ in order to be enrolled in the University of Warsaw, it was required to provide a school certificate, i.e. a certificate of completion of the 6th grade of the voivodeship school. Young men who studied at home or abroad received that document after a preliminary exam at the nearest secondary educational institution, and later the entrance exam was held at the university. To study certain disciplines, it was enough to have an incomplete secondary education, i.e. to finish the 4th grade of a voivodeship school or a full course of a district school. Such rules applied to the persons who wanted to study arts (except for future architects) as well as to mid-level medics: future surgeons of the 2nd grade (since 1821), pharmacists, oculists, obstetricians, and dentists who took a shortened two- or three-year course.⁵⁷ In addition, in order to attract students, simplified admission rules were temporarily introduced at the theological faculty.⁵⁸

Students paid tuition fees of 100 zloty per year (about 57.6 – 55.35 assignation roubles). The following categories were exempted from tuition fees: sons of professors, teachers, and officials employed in the field of education; young men who were preparing to become teachers; persons who had a certificate of poverty; a number of other categories.⁵⁹ In Russian universities (except for Dorpat University),⁶⁰ initially education was free of charge, only the study of foreign languages and “fine subjects” such as dancing, drawing, music, fencing, gymnastics were paid for (30 assignation roubles were charged per year). In 1820, the annual tuition fee of 20 roubles 57 kopecks was introduced.⁶¹

⁵⁵ Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski*, vol. 1, 760–65.

⁵⁶ At Moscow, Kharkov, and Kazan universities, for admission it was required to submit a certificate of status as well as the certificate of knowledge, behavior and diligence issued by the gymnasium headmaster, or to pass an exam in front of the persons appointed by the rector. See *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 286. An entrance examination was held at Vilna University and Dorpat University. *Ibid*, art. 56, 108.

⁵⁷ *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 120–23, 148–49, 210–13, 232–33.

⁵⁸ Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski*, vol. 2, 24.

⁵⁹ *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 116–19, 162–63, 234–35.

⁶⁰ At Dorpat University, students paid 10 assignation roubles for one semi-annual course of 3–4 hours a week and up to 15 roubles if the professor increased the number of lectures. Poor students were exempted from payment. *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 144, 1269.

⁶¹ *Ibid*, art. 56, 288; E.A. Vishlenkova, S.Yu. Malysheva, and A.A. Sal’nikova, *Terra Universitatis: Two centuries of university culture in Kazan* [in Russian] (Kazan: Izdatel’stvo Kazanskogo universiteta, 2005), 264.

By 1826, the number of students at the University of Warsaw had more than tripled from 209 in the 1817/18 academic year to 714. The following year, due to the introduction of an additional examination for applicants to the Society for the compilation of textbooks and the opening of the Preparatory School of Polytechnic Institute (where some graduates of Polish educational institutions went) the number of students decreased by more than 100 persons, but in 1829 it amounted to 773 persons, and in 1830 it reached 903 persons.⁶² In terms of the number of students, the University of Warsaw was ahead of other Russian universities, with the exception of Vilna University, which was the leader in this respect (with 1,321 students in 1830).⁶³ The faculty of legal and administrative sciences, where more than half of the students studied, was most popular among Polish youth. 50–55% of them were noblemen; 40%, petty bourgeoisie; about 5% represented other social groups including peasants. The latter mainly chose the faculties of philosophy or fine arts and sciences. Bourgeois preferred the faculty of medicine, and noblemen, like in Russia, entered the faculty of law.⁶⁴

Like other universities, the University of Warsaw awarded master's and doctorate degrees. Obtaining the former was seen by the government sphere as proof that its holder was "capable of public service."⁶⁵ In order to take post of the 1st grade in the state administration, candidates had to complete a two-year internship and to pass exams at the Higher Examination Commission chaired by the Minister of Education, which included representatives of the faculties of law and medicine of the university.⁶⁶ In Russia, the requirement to obtain higher education was imposed on

⁶² Wawrykowa, "Uniwersytet Warszawski," 166–67; cf. *Posiedzenie publiczne Królewsko-Warszawskiego Uniwersytetu, na pamiątkę założenia jego, przy rozpoczęciu nowego kursu nauk, odbyte 16 września 1826 roku* (Warsaw: Drukarnia szkolna, [1826]), 5; *Posiedzenie publiczne Królewskiego Uniwersytetu, na pamiątkę założenia jego, przy rozpoczęciu nowego kursu nauk, odbyte 16 września 1829 roku* (Warsaw: Drukarnia J. Węckiego, [1829]), 16–17; *Raport Komisji Rządowej Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego na styczniowe roku 1831 posiedzenia sejmowe wygotowany* (Warsaw: [n. p.], 1831), 4.

⁶³ Lazutka, *History of Vilnius University*, 89. According to the information provided by F.A. Petrov, in 1831 Moscow University had 814 students; St Petersburg University, 236; Kazan University, 146; Kharkov University, 313; Dorpat University, 592. See F.A. Petrov, *Formation of the system of university education in Russia* [in Russian], vol. 4, pt. 2, *Russian universities and people in the 1840s* (Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2003), 373.

⁶⁴ Winiarz, *Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego*, 512; F.A. Petrov, *Formation of the system of university education in Russia* [in Russian], vol. 2, *Formation of the system of university education in the first decades of the 19th century* (Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2002), 368.

⁶⁵ *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 136–37.

⁶⁶ *Ibid*, 138–39; *Dziennik praw Królestwa Polskiego* [Warsaw, 1816.], vol. 2, no. 10, 226, 228–29, 231–34, 236–42, 245–46, 248–50; On the activities of the Higher Examination Commission, see A. Winiarz, "Organizacja i działalność komisji egzaminacyjnych w Księstwie Warszawskim i

officials applying for the posts of collegiate assessors and state councilors and tests to verify their knowledge were held at the universities.⁶⁷

Students were awarded master's degree as a result of written and oral (public) examinations in all compulsory subjects for a full course of study in the presence of all faculty professors. To obtain doctorate, a master had to complete a two-year internship in the chosen specialty (one-year for physicians from 1821) and to present their scientific or practical work. In addition, the public presentation was preceded by an examination.⁶⁸ Few doctoral dissertations were presented because this degree gave little in the further professional career. In Russian universities, the procedure for obtaining academic degrees was not initially defined, which sometimes allowed an applicant to become a doctor of sciences without holding a master's degree. In accordance with the Regulation of 1819, a more complex system of awarding academic degrees than in foreign universities was established in Russia. This was largely due to the presence of the title of candidate, an additional step between the ranks of a valid student (who graduated from a university) and a master. A graduate who did not receive a candidate's degree at the final exams was admitted to the relevant tests a year later. A candidate could only start master's exams after 2 years, and a master was allowed to take doctoral exams after 3 years.⁶⁹

During the existence of the University of Warsaw, there were 6,533 attendees at the lectures, including 3,911 students. The master's degree was awarded to 893 graduates of the university: 36 people at the faculty of theology; 659 at the faculty of legal and administrative sciences; 69 at the faculty of medicine (in addition, there were 30 licentiates, 33 surgeons of the 1st and 2nd degrees and 165 pharmacists); 78 at the faculty of philosophy; 51 at the faculty of fine sciences and arts. 13 graduates presented their doctoral dissertations, of them 2 at the faculty of legal and administrative sciences; 5 at the faculty of medicine; 6 at the faculty of philosophy.⁷⁰

Among the well-known lecturers of the University, the following persons can be pointed out: dean of the faculty of legal and administrative sciences J. Bandtkie, W. Maciejowski, R. Hube (who graduated from the University of Warsaw in 1821),

Królestwie Polskim (1807–1831),” *Przegląd Historyczno-Oświatowy*, vol. 29, no. 4 (1986): 453–55, 458.

⁶⁷ *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 510–17.

⁶⁸ *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 130–49, 210–11.

⁶⁹ Petrov, *Formation of the system of university education in Russia*, vol. 2, 322, 482; *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*, vol. 1, art. 1138–39.

⁷⁰ Winiarz, *Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego*, 515; J. J., “Obraz historyczno-statystyczny byłego Uniwersytetu Królewsko-Warszawskiego do roku 1830,” *Przyjaciel ludu*, 1845, r. 11, no. 46, p. 364.

and F. Skarbek, a scientist and writer who taught political economy at the same faculty; at the faculty of fine arts and sciences, dean F. Bentkowski who taught general history and theory of historical science, historian J. Lelewel, who taught an additional course of general history and bibliography in 1820–21, poet K. Brodziński, a professor of Polish literature; in the medical faculty, J.B. Miele, who made a number of discoveries in the field of ophthalmology, physiology, surgery, gynecology⁷¹.

The transition of Alexander I from liberal to a conservative political course was reflected in the general policy of the empire in the field of education, in particular in relation to universities. The events in Germany that contributed to that were the Wartburg Festival of 1817 and the murder of reactionary playwright A. Kotzebue by student K. Sand in 1819. Distrust of German universities, shared by the governments of German states, was transferred by the Russian cabinet to domestic higher education institutions that were established mainly on German models. The idea of reducing the number of universities was expressed in the ruling spheres as early as in 1817. That idea was rejected, but certain measures were taken to limit the autonomy of Russian universities. Dorpat and Moscow universities suffered less than others, but mass dismissal of professors took place at Kazan and St Petersburg universities. Some of the professors were forcibly suspended from teaching because of the “ill-intentioned” contents of their courses; others, who did not agree with the new rules, resigned. Teaching philosophy and natural law at higher educational institutions was limited; lecture notes of all instructors were approved by the minister of education. In many universities, the election of the rector was suspended; he was appointed to his position by a trustee. Teaching of theology was introduced, and control became stronger not only over scholarship students but also over the students who paid tuition fee, especially over their attendance at church on Sundays and holidays, wearing uniforms, and reading appropriate books.⁷²

⁷¹ Michalski, “Warunki rozwoju nauki polskiej w latach 1795–1862,” 18, 33–34, 36–37, 39–44, 48–49.

⁷² Petukhov, *Imperial Yuryevsky, formerly Dorpat University*, vol. 1, 336–39; N.P. Zagoskin, *History of the Imperial Kazan University for the first hundred years of its existence, 1804–1904* [in Russian], vol. 3 (Kazan: Tipolitografiya imperatorskogo Kazanskogo universiteta, 1903), 253–41; V.V. Grigor'ev, *Imperial St Petersburg University during the first fifty years of its existence. A historical note* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova i komp., 1870), 33–44; V.V. Mavrodin, ed., *History of Leningrad University. 1819–1969: essays* [in Russian] (Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1969), 16, 27–37; Yu.D. Margolis and G.A. Tishkin, ‘*By inspiration alone*’: *essays on the history of university education in St Petersburg in the late 18th – first half of the 19th centuries* [in Russian] (St Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, 2000), 121–23, 127–75; D.I. Bagalei, *Experience in the history of Kharkov University (based on unpublished materials)* [in Russian], vol. 2, (from 1815 to 1835) (Khar'kov: Parovaya tipografiya i litografiya M. Zil'berberg i synov'ya, 1904), 8–30, 52–53, 68–69, 81, 152–53, 164–67,

The general imperial tendencies could not but affect the policy of the authorities of the Congress Kingdom of Poland. In December 1820, the liberal minister S. Potocki resigned and was succeeded by conservative S. Grabowski. From that time, the influence of Senator N. Novosiltsev, the imperial commissar at the government of Congress Poland, increased. The Commission of Religions and Education was replaced by the Directorate of Public Education headed by J. Szaniawski, a former Jacobin and a prominent neo-Kantian philosopher who then switched to extremely conservative positions. In December 1821, the Education Reform Committee was established under the leadership of Novosiltsev. It included Grabowski, Szaniawski, and others. The most important project prepared by the Committee in May 1822 was the establishment of education police or the so-called General Curatorium of Educational Institutions based on Austrian models at the request of Alexander I.⁷³

This institution was headed by the curator general, who was the chief to the curators of schools and inspector general of the university. In addition to supervising students, inspector general together with faculty inspectors had to monitor the work of professors and he finances of the educational institution. Due to the negative attitude of the viceroy, Prince J. Zajączek, and a number of higher Polish state dignitaries towards the project, it was approved by the emperor only in June 1823. Senator Castellan D. Oebchelwitz became curator general, and the former dean of the faculty of philosophy A. Zubelewicz became inspector general. Measures similar to those adopted in the Congress Kingdom of Poland were introduced in the Republic of Krakow in 1826, since Novosiltsev was one of the honorary trustees of the Jagiellonian University and had a noticeable influence on education issues.⁷⁴

In accordance with the new rules, it was no longer possible to enter a university, move from course to course, and to get a master's or a doctorate degree without a certificate of good behavior.⁷⁵ In order for young people to understand philosophy

180–83, 192–193; Bieliński, *Uniwersytet Wileński*, vol. 1, 393–408, 423–24, vol. 3, 545–46, 549–50; Lazutka, *History of Vilnius University*, 67; A.E. Ivanov, “Vilna University of the Russian Imperial period (1803–1831): a view from the East” [in Russian], in *Higher school of the Russian Empire, 18th – early 20th century: selected articles* (Moscow: Printsipium, 2019), 569–72; M.N. Tikhomirov, ed., *History of Moscow University* [in Russian], vol. 1 (Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1955), 100–01; Petrov, *Formation of the system of university education in Russia*, vol. 2, 471–550.

⁷³ A. Winiarz, “Z badań nad Kuratorią Generalną Królestwa Polskiego (1823–1830),” in *Stan i potrzeby badań nad oświatą i wychowaniem w Królestwie Polskim w latach 1815–1915*, ed. R. Kucha and K. Poznański (Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1989), 33–36; Winiarz, *Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego*, 40–43.

⁷⁴ Chamcówna and Mrozowska, *Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego*, 148, 159–63.

⁷⁵ *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 220–25.

and natural law less, the authorities decided to teach these disciplines in Latin. Scripture lessons were introduced for students of all faculties and the time of public worship on holidays was established. Wearing uniforms was mandatory even outside of classes. Students could not change their apartment or leave Warsaw without the permission of the inspector general. The permission was also necessary for visiting the theatre and all kinds of spectacles. It was forbidden to attend dance parties, masquerades, meetings, public balls and dinners, to visit hotels, inns, drinking establishments, billiard halls, etc. However, measures to control students proved ineffective, as young people came up with different ways to evade them. The activity of professors was also in the sphere of attention of the Curatorium. In particular, tardiness and premature ending of lectures were recorded; too slow or too fast speech, discussion of government orders, examples that could “offend worthy persons” were not encouraged.⁷⁶

Simultaneously with the formation of the Curatorium, proposals were drafted in order to limit the university’s self-government, to divide the university into separate schools (medical school, the school of legal and administrative sciences, the Academy of Fine Arts) and to transfer them from Warsaw to the province (Lublin, Łowicz, and other places).⁷⁷ In 1829, Szaniawski wrote in a government report:

The location of the Main School in the capital is getting detrimental to the greater thoroughness of sciences, to the interest of morality and customs and to the very important interests of the government.⁷⁸

Plans for the division of the university were carried out gradually. In 1823, the faculty of theology was practically liquidated because the Main Seminary in subordination to the Archbishop of Warsaw was established to train Catholic priests. The teachers’ seminary that operated at the university was abolished and the Pedagogical Institute, independent of the university, was founded. In 1826, the elections of the rector at the University of Warsaw were suspended. The authorities had to abandon further steps directed against the university when the positions of Novosiltsev and his associates Grabowski and Szaniawski began to weaken under Nicholas I. In 1830, the position of the university was strengthened as a result of

⁷⁶ *Collection of administrative regulations of the Congress Kingdom of Poland*, vol. 6, 240–45; Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski*, vol. 1, 16–17, 98, 146–76, 182; Winiarz, “Z badań nad Kuratorią Generalną Królestwa Polskiego,” 36–45; Winiarz, *Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego*, 40–44.

⁷⁷ Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski*, vol. 196, 199–200; A. Kraushar, *Raptularz notatek o Uniwersytecie Królewskim w Warszawie 1816–1831 (z rękopisu)* (Warsaw: Nakładem „Przeglądu Historycznego”, 1911), 19.

⁷⁸ Cited in Winiarz, *Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego*, 514.

granting it a new name of Alexander Royal University (at the request of the university's authorities), which was supposed to emphasize the historical continuity and the intention of the new monarch to preserve the work of his predecessor. At the same time, Szaniawski's influence on educational policy in the Kingdom of Poland diminished as a result of the appointment of J. Fredro as curator general and deputy minister for public education.⁷⁹ He was the elder brother of the famous comedy playwright A. Fredro and was also known for his own literary works.

However, this did not change the situation much. In November 1830, an uprising broke out in Warsaw. Along with the officers from the military academy, young writers and university students participated in the preparation of the uprising. After its suppression, the university was closed on November 21, 1831, and most of the books from the library and the collections of the engravings were taken to St Petersburg in 1834.⁸⁰ The university was restored only in 1862, on the eve of a new uprising, under the name of Warsaw Main School. In 1867, it was included into the eponymous educational district of the empire, and in 1869 it was transformed into the Imperial University of Warsaw, an educational institution with Russian as the language of teaching. During the First World War, in the summer of 1915, due to the retreat of the Russian troops, the University Warsaw, whose teachers and students were mostly Russian, was evacuated to Moscow, and then to Rostov-on-Don. Don University, later Rostov State University, was founded on its basis in 1917. In November 1915, with the permission of the German authorities, the Polish university was reopened in Warsaw. After Poland gained independence, it has successfully developed and exists at present.

Conclusion

Comparing the principles of functioning of the University of Warsaw and other universities of the Russian Empire in the first third of the 19th century, it should be noted that they had a lot in common, being based on the models of teaching at higher schools in Germany and partly in France. The regulations governing the work of the University of Warsaw, in some points, were brought close to Russian charters. The differences in the Polish and Russian university systems were caused by national features, the traditions of Polish higher educational institutions, greater degree of borrowing European experience by the Poles, and finally, by the later time of its

⁷⁹ T. Lipiński, *Zapiski z lat 1825–1832* (Kraków: Drukarnia A. Kozłiańskiego, 1883), 39, 181; Kraushar, *Raptularz notatek o Uniwersytecie Królewskim w Warszawie*, 19; Bieliński, *Królewski Uniwersytet Warszawski*, vol. 1, 24–26, 200, 204–05, 214, 703–05, 707–15; vol. 3, 825, 842–43; Winiarz, “Z badań nad Kuratorią Generalną Królestwa Polskiego,” 46–47; Winiarz, *Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego*, 50–51, 340–44.

⁸⁰ Winiarz, *Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego*, 515.

foundation. Like European universities, the University of Warsaw had a theological faculty; following the example of Vilna University, it also taught artistic disciplines. In terms of the level of education, it was not inferior to many Russian universities. Like other universities of the empire, the University of Warsaw was aimed primarily at training government officials. At the same time, it was a center of comprehensive instruction for Polish youth. Among its alumni were famous scientists, poets, writers, doctors, artists who played a prominent role in Polish scientific, literary and cultural life of the subsequent period.

Список литературы

Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. Москва: Языки русской культуры, 2000. 310 с.

Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. Москва: Знак, 2009. 640 с.

Багалец Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам): в 2 т. Т. 2 (с 1815 по 1835 год). Харьков: Паровая типография и литография М. Зильберберг и сыновья, 1904. 1136 с.

Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань: Издательство Казанского университета, 2005. 498 с.

Григорьев В.В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка. Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и комп., 1870. 679 с.

Есипов В.В. Материалы к истории императорского Варшавского университета. Биографические очерки: 2 вып. Вып. II. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1915. 53 с.

Жарова Е.Ю. Университетские уставы 1803–1804 гг. // Вопросы образования. 2011. № 4. С. 268–290. DOI: 10.17323/1814-9545-2011-4-268-290

Загоскин Н.П. История императорского Казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904: в 4 т. Т. 3. Казань: Типолитография императорского Казанского университета, 1903. 594 с.

Иванов А.Е. Виленский университет Российско-имперского периода (1803–1831): взгляд с Востока // Иванов А.Е. Высшая школа Российской империи XVIII – начала XX века: избранные статьи. Москва: Принципиум, 2019. С. 559–573.

История Вильнюсского университета (1579–1979) / ответственный редактор С. Лазутка. Вильнюс: Мокслас, 1979. 373 с.

История Ленинградского университета. 1819–1969: очерки / ответственный редактор В.В. Мавродин. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1969. 663 с.

История Московского университета: в 2 т. Т. 1 / ответственный редактор М.Н. Тихомиров. Москва: Издательство Московского университета, 1955. 563 с.

История Тартуского университета, 1632–1982 / под редакцией К. Сийливаска. Таллин: Периодика, 1982. 279 с.

Каштанова О.С. Развитие просвещения и культуры в Королевстве Польском (1815–1830) // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 / ответственный редактор С.М. Фалькович. Москва: Индрик, 2010. С. 429–468.

Краковский К.П. Нить времени: в 2 ч. Часть 2. История юридического факультета Варшавского – Донского – Ростовского университета: в 2 т. Т. 1. 1808–1924 гг. Ростов-на-Дону: Юг, 2005. 388 с.

Крамская С.В., Шлык С.В. Исторический путь: от Варшавского университета до Ростовского государственного медицинского университета // Южно-Российский журнал терапевтической практики. 2020. № 1 (2). С. 10–21.

Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. «Единым вдохновением»: очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII – первой половине XIX вв. Санкт-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета, 2000. 228 с.

Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России: в 4 т. Т. 1. Российские университеты и Устав 1804 года. Москва: Издательство Московского университета, 2002. 416 с.; Т. 2. Становление системы университетского образования в первые десятилетия XIX в. Москва: Издательство Московского университета, 2002. 816 с.; Т. 4: в 2 ч. Часть 2. Российские университеты и люди 1840-х годов. Москва: Издательство Московского университета, 2003. 464 с.

Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902): исторический очерк: в 2 т. Т. 1: Первый и второй периоды (1802–1865). Юрьев: Типография К. Маттисена, 1902. 620 с.

Щелков И.П. Очерк истории высших учебных заведений в Варшаве до открытия императорского Варшавского университета // Варшавские университетские известия. 1893. Т. VIII. С. 1–32.

Bartnicka K. Polskie szkolnictwo artystyczne na przełomie XVIII i XIX wieku (1764–1831). Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1971. 281 s.

Bartnicka K. Szkolnictwo wyższe w koncepcjach edukacyjnych Stanisława Staszica // Rozprawy z Dziejów Oświaty. 2006. Т. XLV. S. 35–61.

Barycz H. Zagadnienie uniwersyteckie w epoce Oświecenia // Pamiętnik VII Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich we Wrocławiu 19–22 września 1948: 2 t. Т. II. Z. 1. Warszawa: Nakładem Polskiego Towarzystwa Historycznego, 1948. S. 83–91.

Bieliński J. Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831): 3 t. Warszawa: [s. n.]; Kraków: W.L. Anczyc i spółka, 1907–1912. Т. I. 1907. 767 s.; Т. II. 1911. 755 s.; Т. III. 1912. 877 s.

Bieliński J. Uniwersytet Wileński (1579–1831): 3 t. Kraków: W.L. Anczyc i spółka, 1899–1900. Т. I. 485 s.; Т. II. 845 s.; Т. III. 734 s.

Chamcówna M., Mrozowska K. Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego w latach 1765–1850 / Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego. Т. II. Cz. 1: praca zbiorowa pod redakcją K. Opałka. Kraków: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1965. 260 s.

Leśnodorski B. Uniwersytety w epoce Oświecenia // Kwartalnik Historyczny. 1964. Т. LXXI. Z. 4. S. 893–911.

Michalski J. Warunki rozwoju nauki polskiej w latach 1795–1862 // Historia nauki polskiej: 10 t. Т. III. 1795–1862 / redaktor tomu J. Michalski. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1977. S. 3–353.

Miziołek J. The University of Warsaw: history and traditions / translation K. Michałowicz and J. Miziołek. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2017. 432 p.

Miziołek J. *Uniwersytet Warszawski: dzieje i tradycja*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2005. 324 s.

Miziołek J. *Zarys dziejów Uniwersytetu Warszawskiego // Kultura artystyczna Uniwersytetu Warszawskiego. Ars et educatio / redakcja naukowa i koncepcja tomu J. Miziołek*. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 2003. S. 15–80.

Mycielski M. *Uniwersytet Królewski, 1816–1831 // Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego 1816–1915 / redaktor naukowy T. Kizwalter*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2016. S. 53–361.

Wawrykowa M. *Uniwersytet Warszawski w latach 1816–1831 // Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego, 1807–1915 / pod redakcją S. Kieniewicza*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1981. S. 60–200.

Winiarz A. *Organizacja i działalność komisji egzaminacyjnych w Księstwie Warszawskim i Królestwie Polskim (1807–1831) // Przegląd Historyczno-Oświatowy*. 1986. T. XXIX. Z. 4. S. 445–459.

Winiarz A. *Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1831)*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 586 s.

Winiarz A. *Z badań nad Kuratorią Generalną Królestwa Polskiego (1823–1830) // Stan i potrzeby badań nad oświatą i wychowaniem w Królestwie Polskim w latach 1815–1915 / pod redakcją R. Kuchy i K. Poznańskiego*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1989. S. 33–50.

References

Andreev, A.Yu. *Moskovskii universitet v obshchestvennoi i kul'turnoi zhizni Rossii nachala XIX veka* [Moscow University in the social and cultural life of Russia in the early 19th century]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. (In Russian)

Andreev, A.Yu. *Rossiiskie universitety XVIII – pervoi poloviny XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy* [Russian universities of the 18th – first half of the 19th centuries in the context of European university history]. Moscow: Znak, 2009. (In Russian)

Bagalei, D.I. *Opyt istorii Khar'kovskogo universiteta (po neizdannym materialam)* [Experience in the history of Kharkov University (based on unpublished materials)]. 2 vols. Vol. 2, (*s 1815 po 1835 god*) [(from 1815 to 1835)]. Khar'kov: Parovaya tipografiya i litografiya M. Zil'berberg i synov'ya, 1904. (In Russian)

Bartnicka, K. “Szkolnictwo wyższe w koncepcjach edukacyjnych Stanisława Staszica.” *Rozprawy z Dziejów Oświaty*, vol. 45 (2006): 35–61.

Bartnicka, K. *Polskie szkolnictwo artystyczne na przełomie XVIII i XIX wieku (1764–1831)*. Wrocław; Warsaw; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1971.

Barycz, H. “Zagadnienie uniwersyteckie w epoce Oświecenia.” In *Pamiętnik VII Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich we Wrocławiu 19–22 września 1948*. 2 vols. Vol. 2, pt. 1, 83–91. Warsaw: Nakładem Polskiego Towarzystwa Historycznego, 1948. (In Polish)

Bieliński, J. *Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831)*. 3 t. Warsaw: [n. p.]; Kraków: W.L. Anczyc i spółka, 1907–1912. Vol. 1, 1907; Vol. 2, 1911; Vol. 3, 1912.

Bieliński, J. *Uniwersytet Wileński (1579–1831)*. 3 vols. Kraków: W.L. Anczyc i spółka, 1899–1900.

Chamcówna, M., and K. Mrozowska. *Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego w latach 1765–1850*. *Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego*, vol. 2, pt. 1, edited by K. Opalek. Kraków: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1965.

Esipov, V.V. *Materialy k istorii imperatorskogo Varshavskogo universiteta. Biograficheskie ocherki: 2 vyp.* [Materials on the history of the Imperial University of Warsaw. Biographical sketches: 2 issues]. Issue 2. Warsaw: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga, 1915. (In Russian)

Grigor'ev, V.V. *Imperatorskii S.-Peterburgskii universitet v techenie pervykh pyatidesyati let ego sushchestvovaniya. Istoricheskaya zapiska* [Imperial St Petersburg University during the first fifty years of its existence. A historical note]. St Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova i komp., 1870. (In Russian)

Ivanov, A.E. “Vilenskii universitet Rossiisko-imperskogo perioda (1803–1831): vzglyad s Vostoka” [Vilna University of the Russian Imperial period (1803–1831): a view from the East]. In *Vysshaya shkola Rossiiskoi imperii XVIII – nachala XX veka: izbrannye stat'i* [Higher school of the Russian Empire, 18th – early 20th century: selected articles], 559–573. Moscow: Printsipium, 2019. (In Russian)

Kashtanova, O.S. “Razvitie prosveshcheniya i kul'tury v Korolevstve Pol'skom (1815–1830)” [Development of education and culture in the Congress Kingdom of Poland (1815–1830)]. In *Pol'sha i Rossiya v pervoi treti XIX veka. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo. 1815–1830* [Poland and Russia in the first third of the 19th century. From the history of the Congress Kingdom of Poland. 1815–1830], edited by S.M. Fal'kovich, 429–68. Moscow: Indrik, 2010. (In Russian)

Krakovskii, K.P. *Nit' vremeni: v 2 ch. Chast' 2. Istoriya yuridicheskogo fakul'teta Varshavskogo – Donskogo – Rostovskogo universiteta* [The thread of time: in 2 parts. Part 2. History of the Faculty of Law of the Warsaw – Don – Rostov University]. 2 vols. Vol. 1, 1808–1924 gg. [1808–1924]. Rostov-on-Don: Yug, 2005. (In Russian)

Kramskaya, S.V., and S.V. Shlyk. “Istoricheskii put': ot Varshavskogo universiteta do Rostovskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta” [Historical path: from Warsaw University to Rostov State Medical University]. *Yuzhno-Rossiiskii zhurnal terapeuticheskoi praktiki*, no. 1 (2) (2020): 10–21. (In Russian)

Lazutka, S., ed. *Istoriya Vil'nyusskogo universiteta (1579–1979)* [History of Vilnius University (1579–1979)]. Vilnius: Mokslas, 1979. (In Russian)

Leśnodorski, B. “Uniwersytety w epoce Oświecenia.” *Kwartalnik Historyczny*, vol. 71, no. 4. (1964): 893–911.

Margolis, Yu.D., and G.A. Tishkin. “*Edinym vdokhnoveniem*”: ocherki istorii universitetskogo obrazovaniya v Peterburge v kontse XVIII – pervoi polovine XIX vv. [‘By inspiration alone’: essays on the history of university education in St Petersburg in the late 18th – first half of the 19th centuries]. St Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, 2000. (In Russian)

Mavrodin, V.V., ed. *Istoriya Leningradskogo universiteta. 1819–1969: ocherki* [History of Leningrad University. 1819–1969: essays]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1969. (In Russian)

Michalski, J. “Warunki rozwoju nauki polskiej w latach 1795–1862.” In *Historia nauki polskiej*. 10 vols., vol. 3, 1795–1862, edited by J. Michalski, 3–353. Wrocław; Warszaw; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1977.

Miziołek, J. “Zarys dziejów Uniwersytetu Warszawskiego.” In *Kultura artystyczna Uniwersytetu Warszawskiego. Ars et educatio*, edited by J. Miziołek, 15–80. Warsaw: Uniwersytet Warszawski, 2003.

Miziołek, J. *The University of Warsaw: history and traditions*, translated by K. Michałowicz and J. Miziołek. Warsaw: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2017.

Miziołek, J. *Uniwersytet Warszawski: dzieje i tradycja*. Warsaw: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2005.

Mycielski, M. "Uniwersytet Królewski, 1816–1831." In *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego 1816–1915*, edited by T. Kizwalter, 53–361. Warsaw: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2016.

Petrov, F.A. *Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya v Rossii* [Formation of the system of university education in Russia]. 4 vols. Vol.1, *Rossiiskie universitety i Ustav 1804 goda* [Russian universities and the Charter of 1804]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2002. Vol. 2, *Stanovlenie sistemy universitetskogo obrazovaniya v pervye desyatiletia XIX v.* [Formation of university education system in the first decades of the 19th century]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2002. Vol. 4, pt. 2, *Rossiiskie universitety i lyudi 1840-kh godov* [Russian universities and people in the 1840s]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2003. (In Russian)

Petukhov, E.V. *Imperatorskii Yur'evskii, byvshii Derptskii, universitet za sto let ego sushchestvovaniya (1802–1902): istoricheskii ocherk* [Imperial Yuryevsky University, formerly Dorpat University in a hundred years of its existence (1802–1902): a historical essay]. 2 vols. Vol. 1, *Pervyi i vtoroi periody (1802–1865)* [First and second periods (1802–1865)]. Yur'ev: Tipografiya K. Mattisena, 1902. (In Russian)

Shchelkov, I.P. "Ocherk istorii vysshikh uchebnykh zavedenii v Varshave do otkrytiya imperatorskogo Varshavskogo universiteta" [An essay on the history of higher educational institutions in Warsaw before the opening of the Imperial University of Warsaw]. *Varshavskie universitetskie izvestiya*, vol. 8 (1893): 1–32. (In Russian)

Siilivask, K., ed. *Istoriya Tartuskogo universiteta, 1632–1982* [History of the University of Tartu]. Tallinn: Periodika, 1982. (In Russian)

Tikhomirov, M.N., ed. *Istoriya Moskovskogo universiteta* [History of Moscow University]. 2 vols. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1955. (In Russian)

Vishlenkova, E.A., S.Yu. Malysheva, and A.A. Sal'nikova. *Terra Universitatis: Dva veka universitetskoj kul'tury v Kazani* [Terra Universitatis: Two centuries of university culture in Kazan]. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 2005. (In Russian)

Wawrykowa, M. "Uniwersytet Warszawski w latach 1816–1831." In *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego, 1807–1915*, edited by S. Kieniewicz, 60–200. Warsaw: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1981.

Winiarz, A. "Organizacja i działalność komisji egzaminacyjnych w Księstwie Warszawskim i Królestwie Polskim (1807–1831)." *Przegląd Historyczno-Oświatowy*, vol. 29, no. 4 (1986): 445–59.

Winiarz, A. "Z badań nad Kuratorią Generalną Królestwa Polskiego (1823–1830)." In *Stan i potrzeby badań nad oświatą i wychowaniem w Królestwie Polskim w latach 1815–1915*, edited by R. Kucha and K. Poznański, 33–50. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1989.

Winiarz, A. *Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1831)*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002.

Zagoskin, N.P. *Istoriya imperatorskogo Kazanskogo universiteta za pervye sto let ego sushchestvovaniya, 1804–1904* [History of the Imperial Kazan University for the first hundred years of its existence, 1804–1904]. 4 vols. Vol. 3. Kazan: Tipolitografiya imperatorskogo Kazanskogo universiteta, 1903. (In Russian)

Zharova, E.Yu. “Universitetskie ustavy 1803–1804 gg.” [University statutes, 1803–1804]. *Voprosy obrazovaniya*, no. 4 (2011): 268–90. <https://www.doi.org.10.17323/1814-9545-2011-4-268-290> (In Russian)

Информация об авторе

Ольга Сергеевна Каштанова – кандидат исторических наук, научный сотрудник, <https://orcid.org/0000-0002-7053-461X>, kashtanova-o@mail.ru, Институт славяноведения Российской академии наук (119991 Россия, Москва, Ленинский проспект, 32 а)

Information about the author

Olga S. Kashtanova – Candidate of Historical Sciences, Researcher, <https://orcid.org/0000-0002-7053-461X>, kashtanova-o@mail.ru, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (32 a, Leninsky pr., Moscow, 119991, Russia)

Статья поступила в редакцию 29.11.2021; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 16.02.2022.

The article was submitted 29.11.2021; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 16.02.2022.

.